8(с1=91.73
В57

715

Г. ВЛАДИМИРСКИЙ

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ГОСЛИТИЗДАТ

AP

334788

8(С)=91.73
В57

Г. ВЛАДИМИРСКИЙ

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Критико-биографический очерк

Київська Обласна Бібліотека
Ст 891.79.92
Ш 37
для дітей та юнацтва
334768
30194 гу.
ПЕР. Ф.
1964
Державна Історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

государственное издательство
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Ленинград
1939

Київська Обласна Бібліотека
для дітей та юнацтва
ВЛКСМ

8 (С) укр.
В — 57 Доб. 92

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО

Критико-биографический очерк

И. Владимирского

I

Великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко-Грушевский родился 25 февраля (9 марта) 1814 г., в семье крепостного, в с. Моринцах, Звенигородского уезда, Киевской губернии. Незадолго до этого его родные перебрались в Моринцы из соседней д. Кирилловки. Шевченки после рождения Тараса прожили около двух лет на новом месте и вынуждены были снова вернуться в Кирилловку. Семья будущего поэта состояла из девяти человек — отца, матери, деда Ивана, братьев Никиты и Иосифа и сестер Катерины, Ярины и слепой Марии. Работа на барщине не давала возможности как следует обработать собственный участок, и приходилось искать заработка на стороне. Дед Иван был портным (отсюда и уличная кличка «шевченко» — сын портного), а отец — колесником и чумаком. Заработков на большую семью не хватало, и Шевченки жили в крайней нужде. Так началось полуголодное детство поэта, омраченное страшными картинами крепостной неволи.

Не називаю її раєм
Тії хатиночки у гаї
Над чистим ставом, край села.
Мене там мати повила
І, повиваючи, співала,
Свою нудьгу переливала
В свою дитину... В тім гаю,
У тій хатині, у раю,
Я бачив пекло... Там неволя,
Робота тяжкая...[1]

(1850 г.)

Мальчик больше всего любил слушать рассказы деда о гайдаматчине — о героической борьбе украинского народа против польских панов-помещиков. Не прошло еще и полувека с окончания последнего восстания — колиивщины (1768 г.). Дед сам был очевидцем, а может быть и участником событий, о которых народ сложил так много дум и песен. Героический эпос о колиивщине глубоко запал в душу впечатлительного ребенка и лег впоследствии в основу эпопеи «Гайдамаки». Недаром в эпилоге «Гайдамаков» вспоминал поэт деда-рассказчика:

Давно те минуло, як, мала дитина,
Сирота в ряднині, я колись блукав,
Без свити, без хліба, по тій Україні,
Де Залізняк, Гонта з свяченим гуляв.

---

[1] Ее не назову я раем,
Убогой хаты в тихом гае,
Где пруд — на рубеже села.
Там мать моя мне жизнь дала,
И с песней колыбель качала,
И песней скорбь переливала
В свое дитя. Я в хате той
Не счастье и не рай святой —
Я ад узнал в ней... Там забота,
Нужда, неволя и работа...

Перевод *А. Глобы.*

новом месте: дальше держать его у себя хлебновский маляр побоялся. Дело в том, что содержание крепостных, без ведома и согласия помещика, влекло за собой суровое наказание. Шевченко пришлось отправиться за разрешением к управителю имений Энгельгардта, Дмитренко, жившему в Ольшанах. Дмитренко понравился расторопный и смышленый подросток, и вместо разрешения заниматься живописью он зачислил Тараса в дворовые помещика. В тиковой куртке поваренка стал он выполнять на кухне всякую черную работу.

В середине 1829 г. П. В. Энгельгардту, наследовавшему имения после смерти отца, набирали дворню. О Шевченко было указано, что он «годен на комнатного живописца». Но помещик обратил его в комнатного казачка. «Помещик, — писал Шевченко в автобиографии, — вменил мне в обязанность только молчание и неподвижность в углу передней, пока не раздастся его голос, повелевающий подать стоящую тут же, возле него, трубку или налить у него перед носом стакан воды. По врожденной мне продерзости характера, я нарушал барский наказ, напевая чуть слышным голосом гайдамацкие унылые песни и срисовывая украдкою картины суздальской школы, украшавшие панские покои».

Рисование (или, вернее, пока срисовывание) превратилось в настоящую страсть, за которую однажды ему пришлось жестоко поплатиться. Случилось это в Вильне, 6 декабря 1829 г. Энгельгардты уехали на бал в «ресурсы» (дворянское собрание). Воспользовавшись отсутствием хозяев, Тарас зажег свечу и принялся с «благоговением копировать» героя войны

1812 года, казака Платова. За этим занятием застал его помещик, отодрал его за уши и надавал ему пощечин. Сверх этого, на следующее утро кучеру Сидорке было приказано выпороть Тараса на барской конюшне.[1]

В начале 1831 г. Энгельгардт переехал в Петербург. Тарасу с остальной дворней пришлось пешком итти в столицу. На новом месте надо было устраиваться по-новому; мысль, что придется попрежнему оставаться в казачках, была для Тараса невыносима. Да и помещик не очень верил в лакейские способности своего слуги и непрочь был извлечь из него бо́льшую выгоду.

Под влиянием неотступных просьб Шевченко, Энгельгардт законтрактовал его на четыре года «живописных дел цеховому мастеру» Ширяеву, который всегда держал по нескольку учеников. Не брезгал он никакой работой — от росписи церквей до покраски заборов. Летом, когда работы было особенно много, Ширяев набирал еще крестьян-сезонников.

С учениками обращался он грубо и оставил о себе у Шевченко тяжелую память. Но, к счастью, «живописных дел цеховой мастер» был не только дельцом-эксплоататором, но и человеком, интересовавшимся искусством. У него была коллекция хороших гравюр, к нему захаживал его друг И. К. Зайцев, который в мастерской Ширяева часто читал стихи Жуковского и Пушкина. Двое учеников всегда слушали Зайцева, стоя за полупритворенной дверью. Одним из них, как рассказал впоследствии в своих воспоминаниях Зайцев, был Шевченко.

---

[1] Автобиография.

Вот почему пребывание у Ширяева, несмотря на тяжелые условия жизни и работы, еще более усилило у его нового ученика любовь к искусству. Вопреки запрещению хозяина отлучаться из дому, Шевченко в светлые весенние ночи стал убегать в Летний сад срисовывать итальянские статуи.

В одно из таких посещений Летнего сада Шевченко познакомился с художником Иваном Максимовичем Сошенко, и эта встреча оказала большое влияние на его дальнейшую судьбу.

Сошенко, проходя мимо, едва не сбил с ног своего будущего друга, который, усевшись на ведре с краской, погрузился в срисовывание Сатурна. Увидя незнакомого человека, Шевченко спрятал за пазуху незаконченный рисунок. Художник попросил показать работу, сразу заинтересовался подручным маляра Ширяева и пригласил нового знакомого к себе.[1]

В один из ближайших дней Шевченко пришел к своему покровителю, весь в краске, без шапки, «расхристанный». Несмотря на внешнюю непринужденность, он оказался до болезненности застенчивым и замкнутым. Много терпенья и такта должен был проявить художник, чтобы приручить этого настороженного диковатого юношу, подавленного крепостной зависимостью и унизительным положением у Ширяева.

Желая ближе узнать своего протеже, Сошенко посоветовал ему заняться акварельными портретами, на что Шевченко охотно согласился. Моделью терпеливо служил дворовый чело-

---

[1] «Поэмы, повести и рассказы», стр. 262—263.

век его помещика, Иван Нечипоренко. Энгельгардт, увидев одну из работ, стал заказывать Шевченко портреты своих многочисленных любовниц и иногда платил «рубль серебром, не более».

Вскоре Сошенко познакомил молодого художника с известным тогда украинским литератором Гребенкой. Гребенка стал часто приглашать Шевченко к себе, снабжать его книгами, вводить в круг литературных интересов. Благодаря Сошенко о талантливом крепостном узнал конференц-секретарь Академии художеств В. И. Григорович. Гребенка ввел Шевченко в дом известного живописца А. Г. Венецианова. Венецианов и Григорович представили его В. А Жуковскому. Судьбой подручного Ширяева заинтересовались знаменитый художник Карл Брюллов и М. Ю. Виельгорский.

А. Г. Венецианов был прекрасным педагогом и уже с 20-х гг. неустанно разыскивал в Петербурге и провинции даровитую молодежь, которую обучал «прямо с натуры». Его личное творчество было отмечено национальным характером. Впервые в истории русской живописи, на полотнах Венецианова зритель знакомился с образами русского народа, хотя еще в значительной мере идеализированными (картины «Жница», «Молочница»), и русской природы («На пашне», «На жатве» и др.). Венецианов сразу оценил молодого художника и впоследствии содействовал его освобождению.

Венециановская школа, с ее в известной мере реалистическими устремлениями, оказала в дальнейшем некоторое влияние на формирование реалистического стиля Шевченко-художника.

Мы говорим: «в дальнейшем» — потому что как раз в 1836 г. подручный Ширяева меньше всего мог заниматься изучением искусства. В 1836 г. по проекту и под наблюдением архитектора Кавоса перестраивался Большой театр, и Ширяев взял подряд на отделочные работы.

Он поручил Шевченко роспись плафона (потолка) зрительного зала, и тот, по целым дням занятый работой, на некоторое время вынужден был прекратить встречи со своим покровителем Сошенко.

27 января 1837 г. царское правительство расправилось с Пушкиным пулей Дантеса.

Есть данные предполагать, что Шевченко 29 января — в день смерти гениального поэта — был среди пришедших отдать ему последний долг.

Авторство одной из зарисовок Пушкина в гробу в последнее время стали приписывать Шевченко. Предполагают, что он мог побывать в доме на Мойке вместе со своим другом, художником А. И. Мокрицким, которому принадлежит другая зарисовка тела.

Такая догадка вполне соответствует глубокому интересу, который будущий автор «Кобзаря» сохранил к поэзии Пушкина в течение всей своей жизни.

Шевченко уже обратил на себя внимание своими работами. «Общество поощрения художеств» сделало его своим пенсионером и оказывало ему время от времени денежную помощь. Покровители Шевченко начали строить планы освобождения его. Встретившийся в том же 1837 году с Шевченко (на вечере у Гребенки) И. Панаев вспоминал:

Державний історичний
БІБЛІОТЕКА УРСР

«В это время дело шло о выкупе поэта. Об этом хлопотали Жуковский и М. Ю. Виельгорский. Шевченко было 23 года; жизнь кипела в нем, мысли о близкой свободе и надежда на лучшее будущее оживляли его. Он написал тогда уже несколько стихотворений, но эти стихи, конечно, не вошли в «Кобзарь».[1]

Между тем Сошенко через шурина Ширяева, учившегося в Академии художеств, познакомился с хозяином своего протеже. Ему удалось выговорить для Шевченко на некоторое время «отпуск». Свободные часы друзья предполагали использовать для совместных занятий живописью. Сошенко тогда жил у Прехтеля, управляющего помещика Энгельгардта, для которого выполнял какие-то работы и рисовал портрет жены управляющего. Шевченко навещал друга и в беседах весьма непринужденно и критически отзывался о современности, что приводило Прехтеля в неописуемое бешенство. Однажды управляющий дошел до того, что велел дворовым людям схватить Шевченко и примерно его высечь. Только неотступные просьбы Сошенко и содействие жены Прехтеля избавили молодого художника от позорного наказания.

Случай этот усугубил и без того крайне угнетенное состояние Шевченко. Оно приняло настолько острую форму, что Сошенко сообщил об этом Брюллову. «Карл Великий» (так называл Жуковский, а вслед за ним и Шевченко, Брюллова) решил лично поехать к Энгельгардту и договориться с ним об освобождении Шевченко. Переговоры с помещиком не дали положитель-

---

[1] Литературные заметки Нового поэта (Н. Панаева) — «Современник», 1861 г., т. LXXXVI, стр. 151.

ных результатов. Тогда за дело взялся А. Г. Венецианов. Самодур-помещик заставил этого выдающегося живописца прождать несколько часов в приемной. Затем, приняв его, потребовал за освобождение своего бывшего казачка 2500 рублей. В 1837 г. Брюллов написал портрет В. А. Жуковского, который тот хотел преподнести императрице. Но, путешествуя по Сибири со своим воспитанником-цесаревичем, Жуковский принял горячее участие в судьбе сосланных декабристов и склонил наследника написать письмо Николаю I об их помиловании. Хлопоты о декабристах привели Жуковского к опале. Все же мысли о преподнесении портрета Александре Федоровне он не оставил. Узнав о результатах переговоров Брюллова и Венецианова с Энгельгардтом, Жуковский придумал удачный план для сбора требуемой помещиком суммы — план, который давал ему возможность осуществить и свое заветное желание. За содействием автор «Светланы» обратился к своим друзьям — фрейлине царицы Ю. Ф. Барановой и придворному, графу М. Ю. Виельгорскому. Последние организовали при дворе лотерею, на которой портрет Жуковского выиграла императрица.

О лотерее рассказывает и дошедшее до нас (иллюстрированное карикатурками) письмо Жуковского к Барановой. Заканчивается послание изображением Жуковского и Шевченко кувыркающимися от радости по поводу удачного окончания розыгрыша. Вырученные от лотереи 2500 рублей были внесены помещику, который 22 апреля 1838 г. выдал своему бывшему казачку «отпускную».

Началась новая жизнь.

II

На второй день после освобождения от крепостной зависимости Шевченко стал посещать классы Академии художеств. Вскоре он стал любимым учеником знаменитого художника К. П. Брюллова.

«Быстрый переход с чердака грубого мужика-маляра в великолепную мастерскую величайшего живописца нашего века. Самому теперь не верится, а действительно так было. Я с грязного чердака, я—ничтожный замарашка—на крыльях перелетел в волшебные залы Академии художеств», — вспоминал впоследствии об этом Шевченко в «Дневнике».

«Учусь, никому не кланяюсь... Большое счастье быть свободным человеком», — радостно писал он брату Никите в 1837 г.

Независимость взглядов и убеждений, свою внутреннюю свободу будущий автор «Кобзаря» и тогда уже ценил очень высоко. Именно опасение хоть немного поступиться независимостью заставило его деликатно, но решительно отказаться на первых порах от переезда на квартиру Брюллова, несмотря на настойчивые предложения «Карла Великого». Это не мешало ему с любовью и восхищением относиться к Брюллову как к учителю и мастеру, который со своей стороны отдавал очень много времени занятиям со своим учеником.

«Нередко случалось мне бывать в Эрмитаже вместе с Брюлловым. Это были настоящие лекции по теории живописи, и каждый раз лекция заключалась Теньером, и в особенности его «Казармой». Перед этой картиной надолго, бывало, он останавливался и, после восторжен-

ного сердечного панегирика знаменитому фламандцу, говаривал: «для этой картины можно приехать из Америки».[1] Но едва ли не большее значение, чем лекции, имело творческое общение Шевченко с «Карлом Великим», который стремился, правда — не выходя из рамок академизма, освежить десятилетиями сложившиеся каноны Академии художеств.

Академия художеств была основана в 1758 г. и несмотря на то, что выражала официальную художественную идеологию, сыграла большую роль в истории русской живописи. Академия стремилась выдвинуть на первый план исторические темы (наряду с мифологическими и библейскими). Пробуждение в своих учениках интереса к прошлому русского народа было столь же большой исторической заслугой Академии художеств, как и культивирование в ее стенах рисовальной техники и профессионального мастерства. На ее традициях воспиталась блестящая плеяда русских зодчих, живописцев и скульпторов, которые стали выходить за рамки простого подражания западноевропейским образцам и приближались постепенно к созданию русского национального искусства. Но уже в 30-х—40-х гг. Академия начала тормозить развитие художественной мысли. Академия выработала свои каноны (правила) творчества, исходя из произведений мастеров, которые считались неоспоримыми авторитетами и следовать которым было обязательно. С течением времени сложилась целая система требований в отношении тематики, формы, цвета и композиции картины, нарушение которых рассматривалось как дефект

[1] «Поэмы, повести, рассказы», стр. 271.

произведения. Ясно, что такая «порочная» картина уже не попадала в музеи, картинные галереи, дворцы и т. д.

В противовес официальному направлению в недрах самой Академии начинают нарождаться новые направления, начинает бороться за право на существование реализм.

На этот последний путь вступают, все более отходя от канонов академизма, пейзажист Сильвестр Щедрин, Александр Иванов, отчасти романтики Орест Кипренский и Карл Брюллов. Стремление к реализму отражали картины стоявшего вне академии А. Г. Венецианова, портреты Тропинина.

Борьба направлений в русской живописи противоречиво сочеталась в творчестве Карла Брюллова, который, с одной стороны, явился высшей точкой подъема академического искусства, а с другой — уже отходил от его канонов, оживляя их романтической увлекательностью своих картин и реалистическими тенденциями в портретной живописи (портрет В. А. Жуковского и др.). В 1836 г. Брюллов возвратился в Россию из Италии, где его картина «Последний день Помпеи» имела неслыханный для русского художника успех. В Петербурге он стал кумиром. К нему начали стекаться со всех сторон ученики.

Шевченко обязан ему прежде всего мастерством рисунка и композиции. «Карл Великий» внушил своему ученику отвращение к «дагеротипному», фотографическому изображению действительности.

«Не копируй, а вематривайся», — учил своего ученика «Карл Великий», и Шевченко глубоко воспринял мудрый совет.

Огромное внимание к рисунку сохранил Шевченко на всю жизнь. В одном из писем к своему другу Брониславу Залесскому (в 50-х гг.) он писал:

«Ты спрашиваешь меня, можно ли тебе взять в руки кисть и палитру; на это мне тебе отвечать и советовать довольно трудно, потому что я давно не видел твоих рисунков, и теперь я могу сказать тебе только то, что говаривал когда-то ученикам своим старый Рустем, профессор рисования при бывшем Виленском университете: «шесть лет рисуй и шесть лет малюй и будешь мастером». И я нахожу этот совет его основательным; вообще не хорошо прежде времени приниматься за краски. Первое условие живописи — рисунок и круглота, второе — колорит. Не утвердившись в рисунке, браться за краски это все равно, что отыскивать ночью дорогу».

Неизгладимое впечатление на Шевченко произвели колористические (цветовые) искания Брюллова, господство у него красного цвета:

«Все красное: комната красная, диван красный, занавеси у окон красные, халат красный — все красное»,[1] писал Шевченко в повести «Художник». Красный тон часто встречается не только в ранних, но и в последующих произведениях Шевченко: Брюллов прочно привил ему любовь к этому цвету.

Влияние академизма и Брюллова не подавило самостоятельности манеры Шевченко, не преградило пути к выработке своей эстетики, своих вкусов. Находясь еще под большим обаянием своего учителя, Шевченко уже тянется

---

[1] «Поэмы, повести и рассказы», стр. 275.

к тем художникам, у которых более рельефно, чем у Брюллова, получило свое выражение стремление к реализму.

В повести «Художник» он высоко ставит картины Сильвестра Щедрина, он имеет уже свое особое мнение об А. Иванове, т. е. как раз о художниках, выходивших на путь реализма (эскизы Иванова к картине «Явление Христа народу»). В оценке Иванова Шевченко расходится не только с Брюлловым, но и с Гоголем (записи в «Дневнике»).

Особенно же характерно его отношение к мюнхенским художникам-идеалистам, о котором Шевченко вспоминает в «Дневнике».[1] В 1839 г. В. А. Жуковский пригласил его к себе, чтобы показать произведения «мюнхенцев» — Корнелиуса, Гессе, Кленца и др. У молодого художника оторванное от жизни искусство вызвало глубокое осуждение:

«Но, боже! Что мы увидели в этой огромной, развернувшейся перед нами портфели: длинных, безжизненных мадонн, окруженных готическими, тощими херувимами, и прочих — настоящих мучеников и мучеников живого улыбающегося искусства».

Его поразило полное отсутствие современности во всех этих произведениях, и он едко заметил:

«До какой степени, однакож, помешались эти немецкие идеалисты живописцы».

Учась у мастеров старшего поколения, Шевченко внимательно следит за работами той части академической молодежи, в творчестве которой находит родственные устремления. В 1839 г.

---

[1] Запись от 10 июля 1857 г.

в Академии художеств была выставлена статуя скульптора П. А. Ставассера. Шевченко весьма привлекла жизненность изображения (нам кажущегося уж несколько идеализированным) молодого рыбака и самый факт обращения к такой тематике.

«Он исполнил круглую статую молодого рыбака и как исполнил, просто прелесть, особенно выражение лица: затаивши дыхание живое лицо следит за движениями поплавка». [1]

Глубокая дружба Шевченко с рано умершим талантливым В. И. Штернбергом в большой мере была вызвана общностью художественных интересов. В конце 30-х гг. Штернберг ездил на Украину, где и писал бытовые сценки и пейзажи. Были у него и башкирские жанровые зарисовки, о которых очень сочувственно отзывался Шевченко.

В своих собственных ранних работах, наряду с библейскими, античными и историческими сюжетами, Шевченко разрабатывал тематику, приближающуюся к действительности.

Работы этого типа, в которых Шевченко ярко выразил свою самобытность, были отмечены академическими наградами (серебряными медалями): этюд «Боец» — в 1839 г., «Мальчик-сиротка, делящийся под забором милостыней с собакой» — в 1840 г. и «Цыганка, гадающая малороссиянке» — в 1841 г. За вторую картину ему была выражена также благодарность «Общества поощрения художеств».

«Цыганка» является первой попыткой молодого художника обратиться к народной и национальной тематике. «Цыганка», как и после-

---

[1] «Поэмы, повести и рассказы», стр, 313.

довавшая за ней «Катерина» (1842 г.), еще во многом условны и зависят от Брюллова, но в них уже есть тот лиризм сочувствия к «простым людям», стремление правдиво отразить их в искусстве, которые говорят о становлении Шевченко-реалиста.

Но особенно явственно его реалистические тенденции нашли себе выражение в акварельных портретах 40-х гг. В них Шевченко использует лучшие традиции Брюллова, Венецианова и, особенно, выдающегося мастера акварельного портрета Ф. П. Соколова, о котором сохранилась оценка в повести «Художник»:

«Я придерживаюсь Соколова. Гау (придворный живописец. — *Г. В.*) мне не нравится: приторно-сладкий».[1]

В 1840 г. Шевченко пишет автопортрет (со свечой), в 1860 г. он воспроизводит его в гравюре-офорте, в котором ощутимо проявляется влияние величайшего из художников-реалистов, Рембрандта.

Влияние Рембрандта станет особенно явным у Шевченко в конце 40-х и в 50-х гг. Еще в Академии художеств за ним укрепляется прозвище «Русский Рембрандт».

Национальная и народная тематика, намеченная в ранних картинах Шевченко, получает в это время гораздо более яркое выражение в его поэзии. Поэзия становится вскоре вторым призванием Шевченко.

«Странное, однакож, это всемогущее призвание, — писал Шевченко впоследствии в «Дневнике». — Я хорошо знал, что живопись — моя будущая профессия, мой насущный хлеб. И, вме-

[1] «Поэмы, повести и рассказы», стр. 304.

сто того, чтобы изучить ее глубокие таинства, и еще под руководством такого учителя, каков был бессмертный Брюллов, я сочинял стихи, за которые мне никто гроша не заплатил, и которые, наконец, лишили меня свободы и которые, несмотря на всемогущее бесчеловечное запрещение, я все-таки втихомолку кропаю... Право, странное это неугомонное призвание».[1]

III

Первое издание «Кобзаря», получившего впоследствии всемирную известность, вышло в 1840 г.

В книге были помещены произведения: «Думы мои, думы», «Перебендя», «Тополь», «К Основьяненку», «Иван Подкова», «Тарасова ночь», «Катерина» и др.

Украинская литература после И. П. Котляревского, явившегося ее родоначальником, очень часто обращалась к национальной тематике, к воспеванию героического прошлого своей родины. Но если произведения Котляревского (особенно «Перелицованную Энеиду») пронизывает глубоко-гуманистическое отношение к народу, связанное с осуждением жестокости помещиков-крепостников, то у последующих писателей (Гребенка, Квитка-Основьяненко, Гулак-Артемовский) мы находим стремление примириться с окружающей действительностью, представить жизнь порабощенного села идиллически. Исторической заслугой Шевченко было то, что он продолжил линию, начатую Котляревским,

---

[1] Запись от 1 июля 1857 г.

и сумел глубоко и верно выразить мысли, чувства и чаяния своего народа. При этом даже в самых ранних произведениях поэта национальное сочеталось с общечеловеческим, изображение далекого прошлого — с показом могучего протеста народа против порабощения. Украинская литература ко времени прихода в нее Шевченко не выработала еще своего самостоятельного стиля и вырастала главным образом на заимствовании готовых форм западноевропейской и русской литературы. Народное творчество привлекалось больше цитатно, для украшения произведения.

Шевченко в «Кобзаре» слил два потока — литературу и фольклор.

Первая книга Шевченко пронизана огромной любовью к своей родине («Думы мои, думы», «К Основьяненко»), гордостью за ее славное историческое прошлое, за мужественную борьбу народа с врагами, посягавшими на его независимость («Иван Подкова»). Обращаясь к прошлому, поэт ищет в нем созвучия настоящему («Тарасова ночь»), образов, помогающих воспитанию в массах чувства национального и личного достоинства, вольнолюбия («Думка»). Поэтому он с такой теплотой и так часто изображал носителей народного творчества — кобзарей, в песнях и думах которых история превращалась в звучащую летопись борьбы.

Старшее поколение украинской литературы (Гребенка, Квитка-Основьяненко) восторженно встретило первые произведения Шевченко и пыталось увлечь его на путь реакционного культа старины, «казакофильства».

Но для Шевченко казацкая романтика никогда не была самоцелью. В казацкой романтике

он стремился прежде всего найти созвучие современности, рассматривая ее как средство пробуждения в народе духа борьбы, любви к родине. Он одевал своих героев в костюмы запорожцев не для того, чтобы отстраниться от разрешения революционной задачи, а для того, чтобы к ней приблизиться: мотивы национально-исторические перерастали у него в мотивы национально-политические. «Он заслуживает высокой оценки именно как первый и истинно народный поэт, — писал о нем Горький в каприйских лекциях 1909 г., — не искажавший субъективными добавлениями народных дум и чувств. В его жалобах на личную судьбу — слышна жалоба всей Малороссии, в его воспоминаниях о казацкой воле — вы почувствуете воспоминание всего народа».

Поэмой «Катерина» открывается длинный ряд стихотворных и прозаических произведений поэта, в которых он выступает борцом за раскрепощение женщины, горячим защитником ее женского достоинства. В балладе «Порченая» и в «Тополе» несчастная любовь показана еще только как трагедия личная, в «Катерине» — личная трагедия уже перерастает в трагедию социальную. Девушка-мать («покрытка») соблазнена и брошена москалем-офицером. Во всей мировой литературе вряд ли можно указать образ более трогательный по своей беспомощности и покорности страданиям. Но история Катерины вызывает не сожаление или простое сочувствие, а гнев на морально-разложившихся представителей господствующего класса. Самый язык поэмы выразительно подчеркивает отношение автора к герою: в то время как для характеристики Катерины поэт находит особенно

нежные и ласковые слова, для обрисовки соблазнителя он использует нарочито грубые эпитеты.

Революционный характер обращения Шевченко к исторической тематике особенно сказался на эпопее «Гайдамаки», которая вышла в 1841 г.

Очень скудны наши данные о читательских интересах Шевченко в начале 40-х гг. — в пору формирования его поэтического таланта. Но и те немногие факты, которыми мы располагаем, позволяют с уверенностью говорить о большом влиянии на него литературных взглядов декабристов.

Декабристы и их окружение, как мы знаем, придавали очень большое значение украинской тематике и часто обращались к ней (Рылеев, Глинка, Сомов, Катенин и др.).

Проблема историзма, дающая возможность раскрывать связь прошлого с настоящим, у декабристов сочеталась с разработкой агитационно-гражданственной поэзии. До нас дошли отрывки стихотворной трагедии Шевченко «Никита Гайдай» (на русском языке), посвященной борьбе Украины с польской шляхтой, в которой очень явственно чувствуется влияние Рылеева (поэмы «Войнаровский», «Наливайко», отрывок «Гайдамак»). В ссылке автор «Кобзаря» пишет поэму «Варнак», в которой снова мы слышим отклик на «Войнаровского». Вполне естественно допустить, что под влиянием декабристов обратился Шевченко и к созданию эпопеи «Гайдамаки», которая вышла отдельным изданием в 1841 г.

«Гайдамаки» описывают один из героических эпизодов борьбы украинского народа со своими угнетателями — польскими помещи-

ками, крестьянскую войну 1768 года, известную под именем «колиивщины».

С XIII—XIV вв. на Украине утвердились польские магнаты-помещики. Нестерпимый гнет, экономический, национальный и религиозный, вызывал стихийные восстания казаков и крестьян. Так, в 1630 г. под предводительством Тараса Федоровича (Трясило) повстанцы под Переяславлем наголову разбили хорошо обученные войска Конецпольского. В 1648 г. Богдан Хмельницкий стал во главе казацких и крестьянских отрядов и нанес несколько сокрушительных ударов польской армии. Присоединение Украины к России в 1654 г. привело к ограничению польского землевладения. Польские паны должны были делить власть с русскими помещиками, которые в XVIII в. в большом количестве начали переселяться на Украину.

При Екатерине II была уничтожена Запорожская Сечь — форпост страны в ее борьбе за национальную независимость с турками, татарами и польской шляхтой.

В 1768 г., за несколько лет до уничтожения Сечи, украинские казаки и крестьяне, руководимые Железняком и Гонтой, поднялись против польского владычества.

Крестьянская война 1768 года приняла очень значительные размеры.

Плохо вооруженные отряды повстанцев («колиев») неоднократно наносили сокрушительные удары регулярным польским войскам. «Колиивщина» в конце концов была подавлена соединенными усилиями польских помещиков и царских генералов, оказавших им большую помощь в удушении восстания. После подавле-

ния его украинский народ был окончательно закабален, и к началу XIX в. крепостное право на обоих берегах Днепра стало исторически-сложившимся явлением.

Но память о «колиивщине» крепко жила в народе, который сложил много дум (исторических песен) об этом событии. Шевченко в «Гайдамаках» широко использовал народные предания, в частности рассказ о мученической смерти церковного старосты из Млиева, Даниила Кушнира.

Трагическая гибель Кушнира художественно воспроизведена в «Гайдамаках» в главе «Титар» (ктитор, церковный староста): Шевченко в послесловии к эпопее особенно подчеркивал, что события этой главы основаны на действительном событии, а в эпилоге рассказал, что ему в детстве «не раз довелось за титаря плакать».

В «Гайдамаках» Шевченко сумел реалистически показать широкий общественный фон народного движения — движения масс. Этот фон усилен еще тем, что в эпопее, наряду с образами реально существовавших вождей восстания, Гонты и Железняка, выведен третий руководитель — безвестный батрак Галайда, вышедший из народных низов.

Во вступлении к поэме Шевченко подчеркивает осознанность своего приема: поэт ставит себе в заслугу то, что отказался от дешевой славы виршеплетов, воспевающих завоевательную политику царизма, и вывел одним из главных героев «бедняка в лаптях».

Нехай, скажуть, спочивають,
Поки батька встане

Та розкаже по-пашому
Про свої гетьмани.
А то дурень розказує
Мертвими словами
Та якогось то Ярему
Веде перед нами
У постолах.[1]

Идею бессмертия народа, замечательно выраженную в «Гайдамаках», олицетворяют не Гонта и Железняк, признанные вожди колиивщины, а безвестный батрак — плоть от плоти, кровь от крови своего народа.

Введение в эпопею вымышленной фигуры не только не нарушило исторической правды, но и уравновесило романтические образы Гонты и Железняка реалистическим показом народного героя, данного в типически-обобщенном (правда, не без некоторой доли условности) образе Галайды.

Гайдамацкое движение разбито, Железняк и Гонта, жестоко умученные польскими панами, уже похоронены. Ярема, постояв над их могилами, пошел степью вдаль. Что сталось с ним — остается неизвестным. Но о Галайде народ уже сложил песни, обессмертил его имя. Хата Галайды «на помості» возвышается над другими.

---

[1] Дескать, ладно, подождете,
Найдется писака:
Он по-нашему расскажет
И про гайдамаков,
А то вышел дурачина
С мертвыми словами
Да какого-то Ярему
Ведет перед нами.

Перевод *А. Твардовского.*

А в нашого Галайди хата на помості.
Грай, море! Добре, море!
Добре буде, Галайда![1]

Несокрушима вера поэта в неминуемую победу народа. «Будет хорошо, Галайда», — заканчивает он эпопею. Оптимизм последних строк, подчеркнутое обращение к Галайде (в котором олицетворен сын народа — «громада у сіряках» — народный фон эпопеи) еще раз напоминает о революционном звучании поэмы.

Связь «Гайдамаков» с народным творчеством Шевченко подчеркнул еще тем, что ввел в эпопею большое количество народных песен, бытовых и шуточных, присказок и поговорок. Одно из действующих лиц (первый старшина) даже обратился в ходячий сборник поговорок. Совершенно несомненно, что здесь мы имеем дело с нарочитым, полемическим приемом в защиту народного творчества.

Воспевая крестьянскую войну, Шевченко не боялся «грязи», крестьян с дрекольем и резни, как не боялся ее в 50-х гг. Чернышевский, звавший «Русь к топору». «Гайдамаки» в свою очередь оказали влияние, и притом революционное, на народное творчество о «коліївщині». Но именно этим пробуждением в массах плебейского гнева страшна была поэма «друзьям» Шевченко — П. Кулишу и др. (Кулиш назвал «Гайдамаков» — «торжеством мясников»). Революционный смысл произведения был понятен и цензуре, которая долгое время вовсе не хотела пропускать «Гайдамаков».

---

[1] У нашего Галайды — богатая хата!
Гей, море! Славно, море!
Славно будет, Галайда!
Перевод *А. Твардовского.*

«Я думаю, вы меня хорошенько побранили за «Гайдамаки», — жаловался Шевченко 26 марта 1842 г. Г. С. Тарновскому. — Было мне с ними горя. Насилу выпустил цензурный комитет: возмутительно да и кончено, насилу кое-как я их уверил, что я не бунтовщик. Теперь спешу разослать, чтобы не спохватились».

«Гайдамаки» являются переходной ступенью к беспощадному обличению царизма и крепостничества в знаменательные «три года» (1843—1845 гг.), которые поэт сам назвал годами «прозрения» (стихотворение «Три года», поэма «Невольник»).

О времени, непосредственно предшествовавшем «прозрению», мы знаем очень мало. Известно только, что в ноябре 1842 г. Шевченко попытался тайком пробраться за границу. На пароходе он с увлечением читает «Запорожскую старину» — собрание песен, дум и отрывков из летописей, изданных И. И. Срезневским.[1] Под непосредственным впечатлением книги поэт пишет поэму «Гамалия».

16 ноября Шевченко заболел таким острым приступом морской болезни, что был высажен на берег в Ревеле и оттуда возвратился в Петербург. Возможно, что поэт хотел тайком пробраться в Италию, к своему другу В. И. Штернбергу. Некоторый намек на это содержится в письме Штернберга из Рима (июль 1842 г.), которое заканчивалось так:

«Много, много хотел бы тебе сказать, но вот уже Василий Иванович (конференц-секре-

---

[1] Впоследствии было установлено, что «Запорожская старина» — литературная мистификация, подобно «Гуслям» П. Мериме.

тарь Академии художеств В. И. Григорович, который привез Шевченко письмо от Штернберга. — *Г. В.)* собирается в дорогу! Прощай, любезный Ш-ко! Будь здоров! И дай бог тебе успех, чтобы скорей быть к нам. Василий Иванович тебе поможет. Идем провожать его».

Неудача поездки, видимо, еще более усилила у Шевченко стремление вырваться из Петербурга, он решает побывать на родине, соприкоснуться с жизнью своего народа.

Весной 1843 г. он наконец, после четырнадцатилетнего отсутствия, снова на Украине.

IV

Слава Шевченко в это время широко разнеслась по Украине, его охотно бы принимали в богатые провинциальные дома. Но поэт старался избегать этих посещений. Однажды он был приглашен к одному полтавскому помещику. Хозяин поспешил навстречу гостю и, застав в передней дремавшего слугу, разбудил его пинком. Шевченко увидел эту сцену и, не сказав ни слова, ушел. Аналогичных случаев было не мало.

В июле 1843 г. поэт некоторое время гостил в имении князя Репнина. Дочь владельца имения, Варвара Николаевна, на многие годы стала его верным и бескорыстным другом.

Осенью Шевченко посетил своих родных в Кирилловке, где часто и подолгу беседовал с крепостными. А помещику даже не показался. С тяжелым сердцем кочевал автор «Кобзаря» по Украине. Он повсюду видел глумление помещиков над своими крепостными, видел лице-

мерие панов-либералов, которые носят свитку и вольнодумствуют в корчме, а из своих крестьян выжимают все соки. Он видел, как украинские помещики-«перевертни» начинают чуждаться своего родного языка и помогают царским чиновникам обирать народ.

«Страшно заглянуть в грядущее, — писал поэт в одном из писем, — оно ужасно».

Иногда ему казалось, что на помещиков может воздействовать убеждение, что они поймут «меньшого брата» и протянут ему руку.

«Я страдал, открывался людям, — писал Шевченко в ноябре 1843 г. В. Н. Репниной, — и молил униженно хоть одной холодной слезы за море слез кровавых — и никто не капнул ни одной целебной росники в запекшиеся уста. Я застонал, как в кольцах удава. «Он очень хорошо стонет» — сказали они.

«И свет погас в душе разбитой!»

9 октября Шевченко написал стихотворение «Разрытая могила», в котором он изображает современную ему действительность как борец-демократ.

Ораторская интонация, пафос обличения, пронизывающие это стихотворение, сближают его со всей боевой политической поэзией Шевченко, которая получит широкое развитие в 1843—1845 гг.

В «Разрытой могиле» он с едким сарказмом клеймит украинских помещиков-«перевертней», помогающих царизму грабить народ:

А тим часом перевертні
Нехай підрастають,
Та поможуть москалеві
Господарювати,

Та з матери полатану
Сорочку знімати.
Помагайте, недолюдки,
Матір катувати.[1]

Возвратясь в Петербург в 1844 г., Шевченко приступает к осуществлению возникшего у него на Украине замысла об издании альбома гравюр «Живописная Украина».

При помощи этого издания он хотел привлечь внимание к своей родине, к ее национальным особенностям, к ее природе, к народному творчеству.

Стремление использовать гравюру объясняется еще и тем, что тогда не было других путей широкого распространения произведений искусства, а Шевченко всегда стремился разрушить замкнутость искусства и сделать его общедоступным.

Эти мотивы толкнули его еще ранее к работе над иллюстрацией. Так, в 1841 г. он участвует в иллюстрировании книг «Наши, списанные с натуры» и «Сто русских литераторов», а в 1843 г. — в «Истории Суворова», где помещено двадцать семь его рисунков.

В книге «Русские полководцы» (1845 г.) было уже отмечено, что иллюстрации выполнены известным художником Шевченко. Навыки, полученные в иллюстрационных работах, помогли Шевченко успешно справиться с гра-

---

[1] Но растет уж «перевертень»...
Вырастет, поможет
Он хозяйничать в отчизне
Чужаку... Спешите
И рубаху вы с матери
Худую снимите!

Перевод *Н. Славинского.*

вированием «Живописной Украины», которое он выполнил по своим же зарисовкам.

В письме (от 15 мая 1844 г.) к украинскому историку и этнографу О. М. Бодянскому Шевченко так излагал цель своего издания:

«...я хочу рисовать нашу Украину. Я нарисую ее в трех книгах: в первой будут виды, примечательные своей красотой, либо историей, во второй — современный быт, в третьей — история». Шевченко удалось осуществить выпуск только первой «книги» — шести эстампов («В Киеве», «Выдубецкий монастырь», «Сваты», «Дары в Чигирине», «Солдат и смерть» и «Сельский суд»).

Эстамп «Солдат и смерть» (для обхода цензуры его до революции часто называли «Сказка») создался целиком на почве фольклора. Кочующему всемирно-известному сюжету придан глубоко-национальный характер (украинский убор у смерти). Реализм офорта еще более заостряется социальным его содержанием: солдат как бы олицетворяет народ, что в воде не тонет и в огне не горит и перед бессмертием которого бессильна смерть. Шевченко широко использовал опыт народного лубка и счастливо соединил доходчивость до массового зрителя с глубокой художественностью произведения. «Сельский суд» («судная рада») и «Сваты» дают жанровые картинки народного быта. С великолепным мастерством и реализмом передана индивидуальность каждого из участников суда; простота композиции, свобода поз еще более усиливают жизненную правду этого замечательного офорта.

Гравюра «Дары в Чигирине», в основе которой лежит одно из важнейших событий в исто-

рии народа — воссоединение Украины с Россией в 1654 г. при Богдане Хмельницком, очень интересна по эффектам освещения, по ясности композиции, по силе воспроизведения исторической действительности.

В этих произведениях Шевченко уже далеко уходит от академических шаблонов изображения человеческих фигур и передает их реалистически.

Мы не имеем никаких данных, чтобы судить о гравировальной технике автора «Кобзаря» в эти годы: его учителя неизвестны. Во всяком случае «Живописная Украина» явилась предвестием к офортам 60-х гг. — к высокому достижению граверного искусства. Отметим, что во втором выпуске гравюр историческая, национальная и фольклорная тематика должна была быть представлена еще более широко («Ой, шел чумак семь лет на Дон», «Иван Подкова во Львове», «Семен Палей в Сибири», «Савва Чалый», «Павло Полуботок в Петербурге», виды Чигирина, Суботова, Батурина и др.). Шевченко нарисовал только последние три. Но за отсутствием средств пришлось отказаться от этого начинания, хотя на первый выпуск появились благожелательные отзывы «Северной пчелы» и «Tygodnik'a Petersburgskiego».

Отзыв в «Tygodnik'e» делает имя Шевченко популярным в кругах польских писателей и журналистов, живших в Петербурге.

В это время поэт с увлечением знакомится с революционной польской литературой, которая контрабандой ввозилась из-за границы. Ищет он сближения и с наиболее радикальными представителями русской интеллигенции. На

квартире Гребенки в 1845 г. перед поездкой на Украину поэт встретился с будущим участником кружка Петрашевского-Буташевича — Момбели.

Мы не знаем подробностей этой встречи, но характерно, что петрашевцы впоследствии широко пользуются произведениями поэта («Сон», «Кавказ» и пр.) в своей агитации на Украине.

В марте 1845 г. Академия художеств постановляет удостоить Шевченко звания свободного художника и удовлетворяет его просьбу о выдаче свидетельства на поездку «для художественных занятий» на Украину. Получив проездное свидетельство, поэт в тот же день выехал на родину.

Как и в прошлое свое посещение, он снова переезжает с места на место, стараясь быть среди народа, прислушиваться к его языку, записывать песни.

«Я, как собиратель народных песен, — указывал Шевченко впоследствии в повести «Близнецы», — много записывал вариантов и самих песен, прежде мною не слыханных».[1]

Вскоре ему представилась возможность еще более глубоко изучить быт и творчество народа: Киевская археографическая комиссия пригласила его в качестве сотрудника и командировала в Полтавскую губернию для изучения памятников старины. Везде на Украине (в 1845—1846 гг.) его радостно встречает молодежь. «Приезд Шевченко в Нежин, — читаем в воспоминаниях А. Чужбинского, — не мог остаться тайной. Двери наши не затворялись; в особен-

[1] «Поэмы, повести и рассказы», стр. 452.

ности нас посещали студенты и в число их И. В. Гербель, переводивший впоследствии некоторые стихи Шевченко».

В трехлетие 1843—1845 гг., в годы глухой реакции (в 1842 г. царь торжественно подтвердил незыблемость крепостного права), поэт бесстрашно выступил как выразитель самых передовых, самых революционных идей 40-х годов.

Вслед за стихотворением «Разрытая могила» Шевченко пишет «Чигирин» (1844 г.), в котором выражает горячую веру в неминуемое возрождение национальной самостоятельности Украины. Небольшая поэма «Сова» рисует рекрутчину, ложащуюся тяжелым бременем на народ. В простых и художественных образах, близких к устной народной поэзии, Шевченко сумел раскрыть классовую сущность сдачи в солдаты: дети богачей откупаются,

А у вдови один син,
Тай й той як раз під аршін.

По особенной силы агитационного воздействия, особенной яркости разоблачения военно-феодальной монархии (колониальный грабеж, крепостничество, национальный и религиозный гнет) поэт достигает в поэмах «Сон» и «Кавказ».

Поэма «Сон» (поэт назвал ее «комедией») уже ясно показывает, как глубоко было «прозрение» Шевченко, насыщенное ненавистью к крепостничеству. Начинается поэма широкой картиной «судьбы-доли» в крепостнической стране, где каждый каждому волк, где насилие торжествует потому, что массы еще молчат, «вытаращив очи». Душой болеет поэт за это

рабское молчание родной страны, но не перестает любить ее глубокой сыновней любовью. Придя домой с этими печальными мыслями об окружающей действительности, он засыпает. Во время сна он перелетает в Петербург и по пути видит Украину, ее разоренный народ, видит, как с бодняка снимают заплатанную свитку вместе с кожей, слышит звон кандалов в рудниках Сибири, где среди уголовных терпит муки непреклонный революционер, «царь свободы». Несомненно, что «царь свободы», «царь всемирный» — один из декабристов.

Но это в то же время и обобщенный образ непреклонного революционера, бесстрашного борца с царизмом, подвиг которого вдохновляет на непримиримую борьбу самого поэта:

І між ними, запеклими
В кайдани убра́ний
Цар всесвітній! Цар волі, цар
Штемпом увінча́ний!
В муці, в каторзі — не просить,
Не плаче, не стогне!
Раз добром нагріте серце
Вік не прохолоне![1]

Но вот другая картина уже сменяет первую: военный парад, солдатская муштра на площадях

---

[1] Среди этих зачерствелых
В кандалы убра́нный
Царь всемирный, царь свободы,
Клеймом увенча́нный.
И на каторге не просит,
Слез не проливает:
Сердце, что добром согрето,
Ввек не остывает!
Перевод *В. Цвелева.*

столицы (для описания мунтры очень удачно использован в стихах маршевый ритм). Узнав, что «сам» гуляет во дворце, поэт протискался сквозь толпу и с помощью «земляка» проник во дворец. Шевченко не жалеет красок для сатирически заостренного изображения царя-деспота и «длинноногой» царицы, похожей на засушенный гриб. Жанр стихотворного памфлета дает возможность с особенной силой показать в поэме омерзительную картину дворцовой жизни, подлость, низкопоклонство, развращенность и отсутствие чувства собственного достоинства у придворных.

«Сон» разоблачает не только отдельные недостатки военно-феодальной монархии (взяточничество, раболепие и др.), а всю систему в целом — как орудие подавления наций, орудие колониального грабежа.

В ряде произведений, написанных уже во время вторичной поездки на Украину («Еретик», «Великое подземелье», «Кавказ» и др.), Шевченко с бесстрашием художника продолжает создание боевой революционно-демократической поэзии. «Еретик» (Ян Гус) раскрывает величественную картину борьбы чешского народа за свою независимость в XV в. Как и «Гайдамаки», она отражает характерную особенность воссоздания исторической действительности в произведениях Шевченко.

Не сама по себе верность изображения прошлых эпох, а революционное переосмысление их, стремление отыскать в них глубокие аналогии современности привлекает к себе художника. Исходя из этого, он не побоялся ввести в «Еретика» факты, взятые из истории

борьбы папства с революционным движением в Италии 30-х — 40-х гг. XIX в.

Благодаря такому сближению эпох особенно выразительно зазвучала сатирическая направленность поэмы, ее борьба с коронованными палачами. Не только по папству XV века, но и по империи Николая I были проникнутые пафосом обличения строки «Еретика»:

Кругом неправда і неволя,
Народ замучений мовчить.
А на апостольськім престолі
Чернець годований сидить.
Людською кров'ю шинкує
І рай у найми оддає!
Небесний царю! Суд твій всує,
І всує царствіе твоє.
Розбійники, людоєди
Правду побороли,
Осміяли твою славу
І силу, і волю.
Земля плаче у кайданах,
Як за дітьми мати.
Нема кому розкувати,
Одностайне стати
За євангеліє правди,
За темній люди!
Нема кому! боже! боже!
Чи то ж і не буде?
Ні! Настане час великий
Небесної кари!
Розпадуться три корони
На гордій тіарі!
Розпадуться! Благослови
На месть і на муки,

Благослови мої, боже,
Нетвердії руки![1]

В «Великом подземелье» Шевченко использует условную форму мистерии (в духе народного театра — «вертепа»), чтобы в разговорах «трех ворон» и «трех лириков» показать трагическую историю колониального порабощения Украины. Переходя от далекого прошлого к современности, он рисует потрясающую картину гибели «по шесть тысяч на одной версте» крепостных,

---

[1] Кругом неправда и неволя,
Народ замученный молчит,
А на апостольском престоле
Монах откормленный сидит.
Людскою кровью он торгует
И рай за плату отдает.
О царь небесный! Суд твой всуе,
И всуе царствие твое!

Разбойники, людоеды
Правду поборали,
Осмеяли твою славу,
И силу, и волю.
Словно мать, земля в оковах
Плачет над сынами!
Некому разбить оковы,
Выйти в бой рядами,
За евангелие правды,
За вас, рабы-люди, —
Некому! О боже, боже,
Иль вовек не будет?
Нет, настанет час великий
Для небесной кары,
Распадутся три короны
На гордой тиаре
Навсегда. Благослови же
На месть и на муки
Ты мои, великий боже,
Нетвердые руки!

Перевод *В. Рождественского.*

согнанных царскими чиновниками на строительство железной дороги, скорбит о казаках, засеявших своими костями Финляндию, умиравших на берегах Орели и среди болот Ладоги.

В этом произведении поэт подымается до сознания, что угнетателями народа в равной степени являются русские, польские и «свои», украинские помещики, что их «борьба» между собой — только торг о мере уступок друг другу в дележе награбленного у народа.

Как и в «Сне», Шевченко в «Великом подземелье» снова рисует образ непоколебимого борца, неподкупного друга народа.

Три вороны с ненавистью рассказывают о нем:

Третья

Я золотом розтопленим
Заллю йому очі!..

Первая

А він, клятий недолюдок,
Золота не схоче.

Третья

Я царевими чинами
Скручу йому руки!..

Вторая

А я зберу з всього світа
Всі зла і всі муки!..[1]

---

[1] Третья

Я золотом расплавленным
Залью ему очи!..

Первая

Нет, проклятый недоверок
Золота не хочет.

На этом рассказ о революционере обрывается.

Прославлением «поборников святыни воли» звучат строки в поэме «Кавказ», написанной вслед за мистерией:

Борітеся — поборете!
Вам бог помогає!
За вас правда, за вас слава
І воля святая![1]

«Кавказ» является вершиной творчества Шевченко, ярчайшим выражением его интернационального гуманизма, любви ко всем порабощенным народам.

Как в «Сне», «Великом подземелье» и других произведениях 1843—1845 гг., в «Кавказе» раскрываются две линии отношения автора к окружающей действительности: с одной стороны — глубокое сочувствие к порабощенной братии, с другой — гневная ненависть к поработителям, врагам народа.

Благодаря этому лирическая интонация одной части произведения не входит в противоречие с обличительным пафосом, с ораторской

Третья

Я царевыми чинами
Скручу ему руки!..

Вторая

Со всего сберу я света
Все зло и все муки!..

Перевод *Ф. Сологуба.*

[1] Вы боритесь — поборите!
Бог вам помогает,
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

Перевод *П. Антокольского.*

установкой другой части. Смена же интонаций, взаимно дополняющих друг друга, придает огромную художественную выразительность поэме.

В «Кавказе» впервые в истории русской и украинской поэзии так последовательно и в таких высокохудожественных образах разоблачен грабительский характер военно-феодальной империи, стремление ее превратить Россию в «тюрьму народов». Клеймя хищническую политику царизма, отбирающего у горцев все их достояние, поэт славит освободительное движение народов Кавказа. В их борьбе он видит пример для других наций, которые пока «от молдаванина до финна на всех языках все молчат».

Чурек і сакля — все твоє, —
Воно не прошене, не дане.
Ніхто й не возьме за своє,
Не поведе тебе в кайданах.
А в нас!.. На те письменні ми,
Читаєм божії глаголи!..
І з під глибокої тюрми
Та до високого престола —
Усі ми в золоті і голі.
До нас в науку! Ми навчим,
По чому хліб і сіль почім!
Ми християни: храми, школи,
Усе добро, сам бог у нас!
Нам тільки сакля очі коле:
Чого вона стоїть у вас,
Не нами дана; чом ми вам
Чурек же ваш та вам не кинем,
Як тій собаці! Чом ви нам
Платить за сонце не повинні! —
Та й тільки ж то! Ми не погани,

Ми настоящі християни —
Ми малим ситі!.. А зате!
Якби ви з нами подружили,
Багато б де-чому навчились!
У нас же й світа, як на те:
Одна Сибір неізходима!
А тюрм! а люду!.. Що й лічить!
Од молдаванина до фіна
На всіх язиках все мовчить,
Бо благоденствує![1]

---

[1] Чурек и сакля — все твое,
Не выпрошенное мольбами.
За хлеб, за жалкое жилье
Не закуют тебя цепями.
Послушай! Грамотеи мы,
Читаем господа глаголы,
И от казармы и тюрьмы
Вплоть до высокого престола
Мы ходим в золоте — и голы.
К нам в обученье! Мы сочтем,
Научим вас, хлеб-соль почем,
Мы христиане: храмы, школы,
Все блага мира есть у нас,
Глаза нам только сакля колет:
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная... и то,
Что солнце светит вам бесплатно,
Не нами сделано... Зато
Чурек не кинем вам обратно,
Как псам... И хватит. Мы не турки,
Мы христиане. В Петербурге
Мы малым сыты... А зато,
Когда б вы с нами подружились,
То многому бы научились, —
У нас же и простор на то,
Одна сибирская равнина.
А тюрем сколько! А солдат!
От молдаванина до финна
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют.

Перевод *П. Антокольского.*

В 40-х гг. по России прокатилась волна крестьянских восстаний. На Подолии (Украина) некоторые отряды повстанцев насчитывали до трех и более тысяч человек.

«Дворянство, — доносили жандармы, — объято каким-то паническим страхом, опасаясь крестьян своих, зная, что они к ним не только не расположены, но даже питают великую вражду, и потому при малейшем восстании они, господа помещики, будут первыми жертвами, не имея никаких средств к защите, ибо и дворовая прислуга едва ли не примет их сторону. Господа владельцы говорят, что нужно лишь в одном имении вспыхнуть восстанию, то это, как электричеством, передается по всей губернии».

Шевченко пламенно приветствовал раскаты революционной грозы и звал к беспощадному народному суду над «царями нечестивыми» («Псалмы Давидовы»). В своем «Завещании» он прямо призывает к крестьянской войне:

...Вставайте,
Кайдани порвіте,
І вражою злою кров'ю
Волю окропіте.[1]

В этой неравной борьбе с царизмом Шевченко был одинок. Разрозненные народные бунты, лишенные единой направляющей силы, потоплялись в крови народа.

В 1847 г. царизм расправился и с самим поэтом.

---

[1] Цепи разорвите,
И злодейской вражьей кровью
Волю окропите.

Перевод *Н. Тихонова.*

V

В 1845 г. в Киеве известный историк Н. Костомаров, писатель П. Кулиш и И. Гулак организовали тайное общество, которое они назвали по имени первых просветителей славян «Кирилло-Мефодиевским братством». Общество ставило себе весьма умеренные цели и стремилось главным образом посредством убеждения добиться у помещиков освобождения крестьян. Второй задачей было объединение всех славян в одну федерацию под главенством России.

Только в случае невозможности «убедить» царя в полезности этой меры предполагалась (в очень туманных выражениях) замена существующей системы правления народным представительством.

Руководители братства смертельно боялись народных движений и считали, что распространение просвещения само собой приведет в будущем к уничтожению крепостного права.

«Заботясь о свободе украинских крепостных, — писал Кулиш, — мы имели в мыслях не одно освобождение крепостных из рук пана, нам это казалось малым, или, вернее сказать, это было у нас делом последним. Программою нашего освобождения крестьян служили слова избавителя: «и уразумеете истину и истина освободит вы».

И далее: «Мы добивались прежде всего, чтобы украинские паны вкусили от божественной чаши знания, так же благоговейно, как делали это мы, и чтобы они, вкусивши, видели, как благостен господь и исполнились бы тогда благодати к крепостным».

В том же евангельско-поповском духе осуждал революционное насилие и Н. Костомаров, который написал программу общества («Книга бытия украинского народа»):

«Христос не хотел, чтобы были бунты и несогласия, а хотел, чтобы мирно и любезно распространялась вера и свобода».

Расплывчатая программа братства, к которому вскоре примкнул еще ряд новых лиц, представляла возможность объединять в одной организации людей различных направлений. Наряду с Савичем, увлекавшимся французскими утопическими социалистами, и Н. Гулаком, придерживающимся довольно радикальных взглядов, в обществе участвовали консервативно-настроенные Н. Костомаров и П. Кулиш, игравшие к тому же руководящую роль.

Весной 1846 г. в Киев приехал Шевченко и познакомился с Костомаровым (с Кулишем он был знаком с 1843 г.).

Костомаров хотел привлечь Шевченко в члены общества, и поэт вначале ухватился за это предложение. Но, подробнее ознакомившись с программой братства, он подверг ее резкой критике, или, как определил сам Костомаров, отнесся к ней с «крайней нетерпимостью». Да это и понятно: революционера-бунтаря, поэта-демократа не могли удовлетворять евангельские прописи руководителей братства. Шевченко бывал иногда на собраниях кирилло-мефодиевцев, но Костомаров и Кулиш всячески стремились держать его подальше от общества. С другой стороны, работа Шевченко в Археографической комиссии была связана с частыми отлучками из Киева. В июле Шевченко вместе с профессором Иванишевым и художником

Сенчилло выехал в Васильковский уезд на раскопки могилы легендарного Перепета. На короткий срок он возвратился в Киев и 21 сентября снова был командирован Археографической комиссией в разные места Киевской, Подольской и Волынской губерний для описания старинных церквей и могильников и для записи («слово в слово») народных песен и легенд.

Зарисовывая (в 1845—1846 гг.) памятники старины, Шевченко старался как бы подчеркнуть, что прошлое народа неотделимо от его настоящего, что старина не существует оторванно от современности, как и природа не может быть отделена от человека.

В картине «Церковь Покрова в Переяславле» (1845 г.) он дает на переднем плане «пустки» — ветхие хатенки, как бы символизирующие обнищание села. На фоне хат — человеческие фигуры; свинья переходит улицу. Все это сразу придает пейзажу жизненность, и церковь, которую по заданию нарисовал художник, уходит на задний план.

В картине «Андруши» не архиерейский дом центр произведения, а могучие деревья, под которыми крестьянка-стряпуха готовит пищу. Внутренность Почаевской лавры оживляют двое прихожан: мужчина в свитке и женщина.

В те же альбомы, в которых Шевченко делал зарисовки, он записал и народные песни.

Разъезды по поручению Археографической комиссии отнимали очень много времени. Тяжелое материальное положение, неуверенность в завтрашнем дне угнетающе действовали на Шевченко. Он решает устроиться на какой-либо подходящей должности, которая давала бы некоторое обеспечение. От Костомарова поэт

узнал, что в Киевском университете открылась вакансия учителя рисования, и подал заявление о назначении его преподавателем на это место.

«Давно уже я собирался оставить Северную Пальмиру для какого-нибудь смиренного уголка гостеприимной провинции, — вспоминал об этом Шевченко в повести «Художник». — В текущем году желанный уголок опростался в одном из провинциальных университетов, и я не преминул воспользоваться им. Во время оно, когда я посещал гипсовый класс и мечтал о стране чудес, о всемирной столице, увенчанной куполом Буонароти, в то время, если бы мне предложили место рисовального учителя при университете, я бросил бы карандаш и воскликнул: «стоит ли после этого изучать божественное искусство?» А теперь, когда уравновесилось воображение с здравым смыслом, когда в грядущее не сквозь радужную призму, а так просто посмотришь, то против воли в голову лезет поговорка: «Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки».[1]

Все складывалось в пользу будущего «учителя рисования». Но одно обстоятельство разрушило планы поэта и на целых десять лет вырвало его из привычной среды и обстановки. 25 декабря на квартире у Гулака состоялось собрание братчиков.

Об этом собрании узнал живший в одной квартире с Гулаком студент Петров. В течение нескольких недель он пытался выведать у членов братства более подробные сведения об обществе, а когда ему не удалось, подал донос попечителю Киевского учебного округа.

---

[1] «Поэмы, повести и рассказы», стр. 293.

Между тем ничего не подозревавший Шевченко выехал 22 января 1847 г. в деревню Оленевку к Кулишу, который собирался в это время жениться. Из Оленевки поэт переехал в Седнев к Андрею Лизогубу.

В Седневе, кроме новой поэмы «Осика» (впоследствии переименованной в «Відьму»), он написал предисловие к «Кобзарю» (1847 г.), в котором очень ярко сформулировал свои взгляды на национальную культуру, на задачи поэзии и на народность. В предисловии автор «Кобзаря» указывал, что развитие искусства возможно только на национальной почве; каждая самобытная культура имеет свое право на существование; содружество народов («люди») будет судьей того, какая из наций создаст бо́льшие культурные ценности. Не формальная принадлежность к той или другой нации, а культура и язык, на котором творит художник, определяют национальную самобытность произведения:

«На москалей не обижайтесь, пусть они пишут по-своему, а мы по-своему; у них народ и язык, и у нас народ и язык; чье лучше, пусть судят люди.

«Они ссылаются на Гоголя, который пишет не на родном языке, а по-московски, либо на Вальтера Скотта, который также писал не на родном языке. Гоголь вырос в Нежине, а не в Малороссии, и своего языка не знает, а В[альтер] С[котт] — в Эдинбурге, а не в Шотландии; возможно, что и другие причины нашлись, что они отказались от своего, — не знаю. А Борис — поэт народный и великий».[1]

---

[1] Перевод с украинского.

Шевченко требует от поэта, чтобы он прислушивался к языку народа и служил массам, а не панам. У Квитки-Основьяненко он находит недостаточное знание языка народа, а Гулака-Артемовского укоряет за то, что тот «в паны постригся», т. е. был не на стороне народа. Предисловие заключило работу по подготовке «Кобзаря» к печати. Текст был начисто переписан и превосходно иллюстрирован художниками де Бальменом и Башиловым.

В это время разразилась гроза. 18 марта в Петербурге арестовали Николая Гулака, 23 марта был подписан приказ арестовать В. Белозерского и Шевченко. Поэт жил в это время в имении кн. Кекуатова, рисовал маслом портрет его дочери, затем 4 апреля выехал в Киев, спеша на свадьбу к Н. Костомарову. Между тем из Киева был командирован в Чернигов для задержания Шевченко чиновник Семенита. Не застав его, Семенита поскакал по следам. При въезде в Киев, когда автор «Кобзаря» сходил с парома, он был арестован и отвезен к генерал-губернатору. После допроса, первоначального разбора бумаг и составления о них жандармами «отзыва», в котором Шевченко квалифицирован как опасный бунтовщик, его препроводили под строгим конвоем в столицу. Костомаров в своих воспоминаниях рассказывает, что Шевченко держался очень непринужденно, и станционные смотрители не сразу узнавали, кто арестант, а кто конвоир. Вскоре в казематы III Отделения были доставлены Василий Белозерский, Н. Костомаров, Андрусский, Александр Навроцкий, Г. Посяда и Афанасий Маркович. Савич в это время был за границей и избежал ареста. Последним был до-

ставлен через некоторое время задержанный на пути за границу П. Кулиш, который успел доехать только до Варшавы.

В бумагах Андрусского была обнаружена его рукопись «О достижении возможной степени равенства и свободы, преимущественно в славянских землях». Автор сочинения считал необходимым республиканский образ правления и требовал выкупа крестьян на государственные средства. В своих стихах Андрусский угрожал господствующему классу народным восстанием и скорбел об угнетении Украины.

«В Киеве славянское общество имеет две главы: Костомарова и Шевченку, из которых первый принадлежит к умеренной партии, а второй к неумеренным»; главное правило Шевченко «кто предан государю — тот подлец», — показывал Андрусский на допросе. Жандармам показание Андрусского показалось весьма правдоподобным. В руках царских опричников было письмо В. Белозерского к П. Гулаку. В нем говорилось о каком-то Тарасе Гр. как «о гениальном человеке, который способен угадывать потребности народа или даже целого века»; тот же Андрусский показал, что братчики «превозносили Шевченку до небес»; в бумагах Костомарова была найдена поэма «Сон», в бумагах Кулиша — поэма «Кавказ». Имея «Кобзарь», III Отделение без труда могло установить авторство этих произведений. Участников процесса стали допрашивать весьма обстоятельно о поэтической деятельности Шевченко. У Белозерского допытывались: «Вам ли принадлежит найденная в бумагах Кулиша тетрадка стихотворений, начинающихся словами: «За горами гори хмарою повиті»? (начало

нормы «Кавказ». — *Г. В.*) и проч. самого возмутительного (т. е. антиправительственного по тогдашней терминологии. — *Г. В.*) содержания?» Не добившись удовлетворительного ответа (Белозерский отговаривался незнанием, кто автор), взялись за Навроцкого. Последний, сознаваясь в увлечении стихами Шевченко и трусливо открещиваясь от своего «греха», показывал:

«Рассчитывали ли славянисты действовать наглыми стихами Шевченко, как для поселения в народе ненависти к государю и правительству, так и для возбуждения народа к восстанию — такие наглые и дерзкие предприятия мне неизвестны».

21 апреля состоялся первый допрос Шевченко. Поэт категорически отрицал свою причастность к братству, и жандармы не могли вынудить у него никаких определенных объяснений.

«...Относительно наглых стихотворений, он, повидимому, изъявляет раскаяние, и то в самых грубых выражениях». Один из «вопросных пунктов» был сформулирован так: «Каким случаем доведены вы были до такой наглости, что писали самые дерзкие стихи против государя императора, и до такой неблагодарности, что сверх великости священной особы монарха, забыли в нем и в августейшем семействе его лично ваших благотворителей, столь нежно поступивших при выкупе вас из крепостного состояния?»

На первую часть вопроса Шевченко ответил не задумываясь: «Я начал ругать государя потому, что слышал, как ругают его и в Петербурге, и в Киеве».

Ответить на вторую было труднее: жандармы нашли уязвимое место. Прямо отрицать легенду о выкупе в сложившейся обстановке поэт не решался. Между тем для III Отделения версия была весьма выигрышна. В одном из протоколов было записано, что Шевченко выражал раскаяние в содеянном преступлении, особенно потому, что оказался неблагодарным в отношении царской фамилии, помогшей выкупу его из крепостного состояния. Этот протокол оказался не подписанным.

Несмотря на отсутствие подписи под протоколом, Орлов внес в приговор указание на «раскаяние».

До конца жизни это мучило поэта. Через девять лет Шевченко написал автобиографическую повесть «Художник». Одним из поводов к ее написанию было стремление восстановить истинную картину выкупа. Насколько «нелепая басня» волновала его — видно из того, что он еще дважды возвращался к ней.[1]

15 мая Шевченко был вызван на очную ставку с Андрусским. Поэт, «сознаваясь в сочинении им дерзких и возмутительных стихов, во всем прочем совершенно отверг показание». Никто из остальных братчиков не подтвердил слов Андрусского.

Добытый материал в конечном итоге разочаровал III Отделение, которое ожидало раскрыть организацию, подобную декабристской, а имела дело с кружком, еще не успевшим развернуть своей деятельности. «Бред трех молодых ученых» (Гулака, Кулиша и Костомарова), — так

---

[1] В письме к Бр. Залесскому от 8 ноября 1856 г. и в «Дневнике» — запись от 19 июля 1857 г.

оценивали жандармы Кирилло-Мефодиевское братство. Между тем расправа с братчиками была очень суровой. Приговор царь конфирмовал (утвердил) 28 мая. Гулак был приговорен к трем годам крепости с высылкой по отбытии наказания в одну из отдаленных губерний, под строжайший надзор. Николай I отметил на полях: «буде исправится в образе мыслей». Костомарову царь год крепости заменил ссылкой в Вятскую губернию (Костомаров был сослан в Саратов). Кулиш был сослан в Вологду с запрещением писать. В приговоре царские опричники вынуждены были указать, что причастность Шевченко к украинно-славянскому обществу не доказана. Но если жандармам не удалась расправа с «братчиком» Шевченко, то зато они свели счеты с ним как с поэтом-революционером.

«Шевченко приобрел между друзьями своими славу знаменитого малороссийского писателя, а потому стихи его вдвойне вредны и опасны», и далее: «все дело доказывает, что Шевченко не принадлежал к украинно-славянскому обществу и действовал отдельно, увлекаясь собственною испорченностью. Тем не менее, по возмутительному духу и дерзости, выходящей из всяких пределов, он должен быть признаваем одним из важных преступников...»

В отношении Шевченко приговор заканчивался так:

«Художника Шевченку, за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений, как одаренного крепким телосложением, определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус с правом выслуги, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него,

ни под каким видом, не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений».

На этом Николай I добавил: «под строжайший присмотр, запретив писать и рисовать».

Доносчик Петров был определен сверхштатным агентом III Отделения, «с правами действительного студента, выдержавшего экзамен». Сверх того он получил пятьсот рублей серебром и обещание «приличного воспомоществования».

Приговор ставил точку на всей прошлой жизни Шевченко и открывал новую страницу: его ждала неизвестность, ссылка в далекие степи западного Казахстана; человека, никогда раньше не державшего в руках ружья, превращали в солдата; «рядовому из политических преступников» предстояло сполна испить чашу горя.

После объявления приговора поэт был переведен из каземата III Отделения в военное министерство, где содержался в отдельной комнате под строгим надзором. Экспедиции министерства показалось «накладным» отправлять в такой далекий путь арестанта, не использовав «оказии». В течение 30 и 31 мая канцелярия министра запрашивала заинтересованные учреждения, нет ли у них экстренной почты в Оренбург, куда отправляли Шевченко. Только после отрицательного ответа 1 июня в полдень фельдъегерь Виддер увез его к месту ссылки. Арестант считался секретным, поэтому на станциях не останавливались. Виддер спешил доставить важного преступника в Оренбург. На восьмые сутки (9 июня) они прибыли к месту назначения. За неделю проскакали 2100 верст, отделявшие столицу от Оренбурга.

Произведения Шевченко были внесены III Отделением в списки запрещенных книг. На

Украине обыски и изъятия «Кобзаря» приобрели такое распространение, что генерал-губернатор вынужден был издать особое разъяснение, что книги «следует отбирать, но без всяких розысков и обысков».

«Тогда по поводу катастрофы 1847 г. и обысков, — писал в своих воспоминаниях В. Белозерский, — все в провинции находились под таким страхом и трепетом, что и помышлять не смели о переписке с Шевченко. Тогда-то погибла масса писем, книг с надписями, рукописей и драгоценного исторического и этнографического материала, сожженного или закопанного в землю».

Когда в июне 1847 г. издатель «Чигиринского Кобзаря» (1844 г.) книгопродавец Лысенков поместил объявление о продаже книги в «С.-Петербургских ведомостях», III Отделение секретно обратило на это внимание министерства народного просвещения.

На тринадцать лет имя поэта было вычеркнуто из литературы.

VI

В Оренбурге Шевченко провел всего четыре дня. В течение четырехдневного своего пребывания в городе он очень сдружился с чиновником пограничной комиссии Ф. М. Лазаревским (братом участника процесса Кирилло-Мефодиевского общества) и с живущим с ним в одной комнате С. Левицким.

Шевченко ежедневно приходил к ним на квартиру, читал стихи, пел свои любимые народные песни.

13 июня он получил назначение в Орскую крепость, которая была расположена в 250 верстах от Оренбурга (на юго-восток). После десятидневного перехода поэт прибыл в Орск и был назначен в 3-ю роту 5-го батальона, по ранжиру (росту) рядовым № 191.

В этом медвежьем углу, лишенный возможности писать и рисовать (а надзор за ним был весьма строг), он легко мог опуститься и погубить свой талант.

Спасла его железная воля, непоколебимость борца и любовь к искусству.

Несмотря на угрозу, что «благородия» узнают, Шевченко не переставал писать. Чтобы скрыть стихи от своих тюремщиков, он вносил их в небольшие записные книжки, которые прятал за голенище сапога. В этих каторжных условиях Шевченко находил время для чтения, старался раздобыть, где возможно, книгу, журналы. Письма к друзьям полны просьбами о присылке литературы. В. И. Репнину он просит прислать «Чтения Московского археологического общества», «Переписку с друзьями» Гоголя, А. И. Лизогубу заказывает Шекспира в переводе Кетчера (с которым, по получении, не расстается) и «Одиссею» Жуковского (в то время еще не вышла из печати). — «Пришлите, — заканчивал он послание, — а не то с тоски одурею». [1]

Зимой 1847 г. поэт сильно страдал от скорбута (цынги). 20 декабря в письме к М. Лазаревскому он жаловался: «К люлькам, смраду и зыку я уже понемногу начал привыкать,

---

[1] Перевод с украинского. В начале 1848 г. Шевченко просит его же прислать произведения Лермонтова и Кольцова.

а тут случись у меня цынга лютая. и я теперь— как Иов на гноище, только никто меня не навестит... Когда встретитесь с В. И. Далем, передайте ему поклон и попросите, чтобы он умолил В. Перовского освободить меня хотя бы из казарм (спречь выпросил бы мне разрешение рисовать)». [1]

30 января 1848 г. шеф жандармов Орлов запросил Обручева, «заслуживает ли он (Шевченко.— *Г. В.*) ходатайства о дозволении ему заниматься рисованием». Несмотря на хороший отзыв непосредственного начальства поэта. царь оставил в силе свой приговор.

Почти через два года, 12 декабря 1849 г., III Отделение препроводило в Оренбург ответ Орлова: «Я входил с всеподданнейшим докладом к государю императору о дозволении рядовому Шевченко заниматься рисованием, но высочайшего соизволения на таковое мое представление не последовало».

5 мая поэт был переведен на службу в 4-й батальон и 11 мая отправлен с отрядом, прикрывавшим транспорт, из Орска в Раим (в 1848 г. восстали приличейные киргизы, и транспорты сопровождали воинские части). Пять недель продолжалось изнурительное семисотверстное путешествие через безводные степи в Раим (шли пешком, походным порядком). По прибытии поэт был откомандирован в распоряжение описной экспедиции Аральского моря под командованием капитан-лейтенанта Бутакова. Экспедиции было предоставлено две шхуны «Константин» и «Николай» (в команду первой был зачислен Шевченко).

---

[1] Перевод с украинского.

В течение двух навигаций 1848 и 1849 гг Шевченко участвовал в описной экспедиции которая исследовала берега Аральского моря, открыла несколько новых островов и определила астрономические пункты. Прикомандированный к экипажу шхуны «Константин», он сделал в пути много карандашных и акварельных зарисовок. Экспедиция зимовала в устье Сыр-Дарьи. Туда только два раза в год приходила почта. В продолжение всего плавания поэт болел цынгой и изнурительными головными болями. «Лето проходило в море, — писал Шевченко Репниной, — зима в степи, в занесенной снегом джаломейке, вроде шалаша, где я, бедный художник, рисовал киргизов». Начальник экспедиции, Бутаков, заблаговременно позаботился исхлопотать через генерал-лейтенанта Толмачева разрешение на отправку Шевченко из Раима в Оренбург для окончательной отделки собранных им художественных материалов и в первой половине октября 1849 г. выехал вместе с поэтом из Раима. После двадцатидневного путешествия они прибыли в штаб отдельного Оренбургского корпуса. В Оренбурге, по настоянию того же Бутакова, Шевченко был дан в помощь отбывавший здесь ссылку поляк-художник Бронислав Залесский. Знакомство Тараса Григорьевича с ссыльным поляком вскоре перешло в глубокую дружбу, которая продолжалась все последующие годы.

В Оренбурге Шевченко сначала поселился на Слободке, в доме офицера Карла Ивановича Герна, а затем перебрался к своим давним приятелям — Федору Лазаревскому и Сергею Левицкому. Четвертым поселился моряк Поспелов, с которым Тарас Григорьевич очень близко

сошелся во время аральской экспедиции. Дружную компанию часто навещали Гери и Бутаков.

Под влиянием Герна и Бутакова изменил свое отношение к Шевченко и генерал Обручев, командир отдельного корпуса, заказавший ему даже портрет своей жены.

Весной 1850 г. предполагалась отправка геолого-разведочной экспедиции на полуостров Мангишлак, и Шевченко был намечен в состав этой экспедиции. Но вскоре произошли события, из-за которых поэт был отправлен на Мангишлак, в Новопетровское укрепление, уже не в качестве участника экспедиции.

Невесело встретил «рядовой из политических преступников» новый, 1850 год.

«За прошедший поход,— писал Шевченко своему другу В. Н. Репниной,— мне отказано в представлении на высочайшее имя и подтверждено запрещение писать и рисовать. Вот как я встречаю новый год! Не правда ли весело?»

На ходатайство Шевченко перед шефом корпуса жандармов Орловым о разрешении рисовать последовал отрицательный ответ, переданный Дубельтом командиру Оренбургского корпуса.

После первого отказа Орлов не счел возможным больше просить Николая I за ссыльного поэта.

В конце 1849 г. в Оренбург прибыл прапорщик Исаев, недавно выпущенный из кадетского корпуса. Сводя с поэтом личные счеты, он подал Обручеву донос, в котором указывал, что Шевченко ходит по городу в штатском и занимается рисованием. При других обстоятельствах начальство продолжало бы смотреть сквозь пальцы на такие вольности: ведь с течением времени занятия живописью как-то сами собой узаконились.

Но донос являлся для царских чиновников «бумагой», которой надо было дать ход.

Боясь, что Исаев поставит в известность III Отделение (так и случилось), Обручев распорядился произвести обыск у Шевченко.

У Шевченко был произведен обыск, и 27 апреля по личному распоряжению Обручева его посадили на гауптвахту.

Только через две недели был он освобожден из-под ареста и отправлен снова в Орск, с предписанием следить за ним строжайшим образом.

Из обнаруженной во время обыска переписки особенное внимание привлекло письмо Сергея Левицкого, который между прочим писал о молодом петербургском ученом — магистре математических наук Н. А. Головко — и приводил его слова: «Вас не стало, но вместо Вас, более тысячи человек, готовых стоять за все то, о чем говорили. Это говорят люди, для которых правда является великой истиной. Он бы не испугался подтвердить и при самом Карле Ивановиче». [1]

21 мая Обручев распорядился, чтобы к Шевченко «отнюдь не могли прямо доходить письма и от него другим лицам не пересылались, ибо все таковые письма должны поступать на мое предварительное рассмотрение». Несмотря на это, почти в течение месяца Обручев задерживал дело, пытаясь замять его. В конце концов, боясь еще большей ответственности, он сообщил об аресте Шевченко военному министру Чернышеву. Последний доложил царю.

8 июня Николай I лично распорядился о немедленном «строжайшем аресте» Шевченко,

---

[1] Карлом Ивановичем для конспирации называли Николая I.

которого «содержать под оным до исследования о виновных, допустивших его вести переписку и заниматься рисованием». По окончании же следственного дела «перевесть Шевченко под строжайший надзор из 5-го Оренбургского линейного в другой отдаленный батальон».

Пока шла переписка, III Отделение командировало жандармов для обыска и ареста магистра Головко и Левицкого. 16 июня в 11 часов утра Сергей Левицкий был доставлен в III Отделение. На квартиру Головко в тот же день отправился жандармский полковник Левенталь с квартальным надзирателем Столяровым.

Головко занимал две комнаты. Он впустил неожиданных гостей и, услышав объявление об аресте, вышел в другое темное помещение, служившее ему спальней, якобы достать белье. Левенталь занялся пересмотром бумаг на столе, как вдруг услышал крик надзирателя. Головко выходил из комнаты, держа два пистолета со взведенными на вторые взводы курками и надетыми пистонами.

Сначала он прицелился в надзирателя, который, путаясь в шинели, побежал в переднюю, а затем выстрелил по Левенталю. Тот стал звать на помощь надзирателя. Головко же бросился в спальню и выстрелил себе в рот. Когда дверь взломали — самоубийца был уже мертв.

24 июня Николай I утвердил доклад Орлова «по делу о Головко, Левицком и Шевченко». Следствие было поручено подполковнику Чигирю, который только 30 июня вызвал поэта (под строгим караулом) к себе на допрос. Во время производства следствия, не давшего ничего нового, Чигирь только попутно выяснил, что Шевченко со времени сдачи в солдаты ни разу не

принимал присяги, и обратил на это внимание начальства. Да и результаты расследования в Петербурге убедили, что дело вовсе не таково, как казалось в первые дни. Шевченко собственно ничего преступного не сделал. Его занятия рисованием и хождение в штатском долгое время происходили на глазах у начальства. Ничего компрометирующего не было найдено. На письмо Левицкого он не отозвался и, следовательно, не мог отвечать за него. О каком Карле Ивановиче шла речь — жандармам было неведомо, тем более, что в том же письме упоминался Карл Иванович Гери.

Орлов в конце концов вынужден был признать, что «все это дело, не заключая в себе ничего политического, есть только сплетение различных, весьма обыкновенных событий, конечно, более или менее преступных, но не ведущих к опасению насчет общей безопасности». Поэтому 5 сентября Обручев освободил Шевченко из Орской тюрьмы и предписал отправить его в Новопетровское укрепление.

8 октября Шевченко в сопровождении «дядьки», унтер-офицера Булатова, был отправлен в городок Гурьев. На пятые сутки прибыли в Гурьев, а оттуда на почтовой лодке отплыли в Новопетровск.

Неизвестность, еще более страшная, чем в Орске и Оренбурге, ожидала Шевченко на пустынном полуострове Мангышлаке.

Унтер Булатов, доставив поэта в Новопетровское укрепление, обратно не мог вернуться из-за прекращения навигации и остался до следующей весны. Булатов привез новому начальству Шевченко приказ Обручева:

«За рядовым же Шевченко в роте поручить, сверх баталионного и ротного командиров, иметь надзор благонадежному унтер-офицеру и ефрейтору, которые должны строжайше наблюдать за всеми его действиями, и если что-либо заметят предосудительное, или неповиновение, то доводили бы о том в тот же час до сведения баталионного командира, который обязан немедленно мне донести, надписывая на конверте: «секретно» и «в собственные руки».

Если в период 1840—1847 гг. у Шевченко преобладает большая форма (эпопея, поэма и др.), то годы ссылки (1847—1850) проходят под знаком развития лирики.

До Шевченко украинские поэты в лирике использовали преимущественно канонические формы западноевропейской и русской поэзии (элегии, оды, послания и др.), реже обращались к песне.

Шевченко и в лирике сблизил литературу с фольклором, широко введя в нее народно-песенные формы. Особенность лирики автора «Кобзаря» прежде всего в том, что он не замыкался в сфере узко-личных переживаний. Стихи часто отражали интимные факты биографии поэта, но воплощение их в художественные образы всегда покоилось на сочетании личного с общественным, национального с общечеловеческим. Из многообразия личного внутреннего опыта он отбирал те моменты, которые были понятны и близки народу.

Шевченко — великий мастер психологического реализма, он умеет в небольшой песне одной-двумя черточками раскрыть переживания

человеческой души во всей сложности и жизненной правдивости.

В лирике Шевченко всегда остается поэтом своего народа. В целом ряде произведений Шевченко любовно называет Украину, и обращение к родине часто составляет сущность лиризма того или другого произведения.

«Сонце заходить, горы чорніють» начинается с эпического описания наступления вечера:

Сонце заходить, гори чорніють,
Пташечка тихне, поле німіє.[1]

Вспомнив взволнованно Украину, поэт продолжает спокойное повествование. Думы о родине вносят мир в его измученную душу, и снова мысли летят к ней:

О зоре, зоре! — і сльози капуть.
Чи ти зійшла вже і на Україні?[2]

Лирическое волнение поэта достигает особенной силы в концовке:

Чи очі карі тебе шукають
На небі синім? Чи забувають?
Коли забули, бодай заснули,
Про мою доленьку щоб і не чули?[3]

---

[1] Солнце заходит, горы чернеют,
Птицы стихают, поле немеет.
Перевод *Г. Владимирского.*

[2] Звезда святая. И слезы капают.
Уж не взошла ль ты и на Украйне?
Перевод *Г. Владимирского.*

[3] Карие очи тебя нашли ли
На небе синем? Иль позабыли?
Если забыли, — лучше бы спали,
Про мою долю и не слыхали.
Перевод *Г. Владимирского.*

Интонационное ударение последней строки падает как будто на «доленьку» самого поэта. Но весь строй образов, все их движение таково, что образ «поэтовой доли» раздвигается до образа самого страдающего народа. Отсюда большая философская глубина лирики Шевченко (характерно, что во многих случаях у него мысли выражены отточенными и сжатыми афоризмами).

Не отделяя личного от общественного, Шевченко в лирику вносит национально-политические мотивы, окрашивая их глубоко-эмоциональным своим отношением.

В стихотворении «Менi однаково...» поэт в зачине как будто уходит в скорлупу равнодушия, проявляет безразличие к судьбам своей родины (повторение первого стиха в конце первой строфы еще более усиливает это впечатление):

Менi однаково, чи буду
Я жить в Украïнi, чи нi,
Чи хто згадає, чи забуде
Мене в снiгу, на чужинi —
Однаковiсiнько менi. [1]

И автор как будто примиряется с таким положением: он уйдет, не оставив следа на своей — на чужой Украине, и никто не вспомнит его, никто не скажет, что он замучен за свою родину.

---

[1] Мне безразлично, жить я буду
На Украине или нет,
Попомнит кто или забудет
Меня на дальней стороне, —
Все это безразлично мне.
Перевод *А. Суркова.*

Только в концовке прорывается лирическое волнение:

Та не однаково мені,
Як Україну злії люди
Присплять, лукаві, і в огні
Її, окраденую, збудять...
Ох, не однаково мені.[1]

Пока шла речь о самом себе, он еще мог оставаться спокойным, но мысль о судьбах родины отняла право на спокойную интонацию. Но это право отнято именно потому, что личное неотделимо у Шевченко от общественного.

Подчеркнутый национальный момент в творчестве поэта лишен национальной исключительности потому, что у него национальная борьба связана с борьбой за право человека на свободное существование. Не случайно первое лирическое стихотворение, написанное Шевченко в ссылке, связывает судьбу Украины с судьбой «убогих» киргизов. С одинаковой теплотой обращается он к обоим народам:

Думи мої, думи мої,
Ви мої єдині,
Не кидайте хоч ви мене
При лихій годині!
Прилітайте, сизокрилі
Мої голуб'ята,
Ізза Дніпра широкого

---

[1] Но то не безразлично мне,
Что Украину злые люди
Смирят лукавством... И, в огне
Ее ограбивши, разбудят...
Ох, как не безразлично мне!

Перевод *А. Суркова.*

У степ погулять
З киргизами убогими.
Вони вже убогі,
Уже голі... Та на волі
Ще моляться богу.
Прилітайте ж, мої любі,
Тихими речами
Привітаю вас, як діток,
І заплачу з вами.[1]

В поэмах 1847—1850 гг. поэт продолжает поиски положительного героя.

Сначала он находит его в образе одиночки-мстителя, который беспощадно расправляется с панами (поэма «Варнак»):

Я різав все, що паном звалось,
Без милосердія і зла, —
А різав так... І сам не знаю,
Чого хотілося мені?

---

[1] Думы мои, думы мои,
Самые родные!
Вы меня хоть не покиньте
Здесь в часы лихие.
Прилетайте сизокрылой
Стаей голубиной
С приднепровского простора
В этот край пустынный
Погулять среди киргизов.
Хоть они убоги,
Хоть и голы... да на воле
Еще молят бога.
Прилетайте ж, мои думы!
Тихими речами
Приголублю вас, как деток,
И заплачу с вами.

Перевод *А. Сурикова.*

Ходив три года я з ножами
Неначе п'яний той різник.
До сльоз, до крові, до пожару
До всього, всього я привик.[1]

Но варнаком руководят только личные мотивы, и его борьба заканчивается трагическим внутренним конфликтом.

Варнак не кончает жизнь самоубийством только потому, что находит выход:

Пішов собі тихо в Київ —
Не святим молитись,
А суда, суда людського
У людей просити.[2]

Иная социальная основа у разбойника в стихотворении «Ой, паточу товарища». Он идет на большую дорогу с идейными мотивами, стремится искоренить социальное зло:

Щоб брат брата не різали,
Та не обкрадали,

---

[1] Я резал все, что паном звалось,
Без милосердия и зла, —
Я просто резал... Сам не знаю,
Чего хотел я в эти дни?
Ходил три года я с ножами,
Ходил, как во хмелю мясник.
К слезам, и крови, и пожару —
Я ко всему давно привык.

Перевод *Я. Городского.*

[2] Пошел себе тихо в Киев —
Не святым молиться,
А суда просить людского,
Людям поклониться.

Перевод *Я. Городского.*

Та в москалі вдовиченка
Щоб не оддавали.[1]

С панами расправляются и другие их жертвы, доведенные до отчаяния (поэма «Княгиня», «Марина»).

Однако поэт скоро подымается до сознания, что освобождение народа возможно только тогда, когда «следа панского не остается на Украине» («И вырос на чужбине я» и др.), когда народ беспощадно сметет царизм:

Бодай кати їх постинали
Отих царів, катів людських![2]

Стихотворение «Цари» было откликом на французскую революцию 1848 года и полно непримиримой ненависти к поработителям народа, которых поэт считает своей обязанностью разоблачать перед массами:

Ту вінценосную громаду
Покажем спереду і ззаду
Незрячим людям.[3]

Он обращается к своей музе:

---

[1] Чтоб друг друга не резали
И не обирали
Да в солдаты сына вдовы
Чтоб не отдавали.

Перевод *Г. Петникова.*

[2] Пусть палачи царей карают.
Конец им, палачам людским.

Перевод *А. Гатова.*

[3] Двух-трех царей поставим рядом,
Покажем спереди и сзади
Незрячим людям...

Перевод *А. Гатова.*

Постриємося ж у лакеї
Та ревносно в новій лівреї
Заходимось царів любить.[1]

Что это были слова едкой иронии, что переход на службу к господствующему классу был органически невозможен для Шевченко, еще яснее показало его творчество после ссылки.

Кроме стихов и поэм 1847—1850 гг., до нас дошел еще отрывок стихотворения, написанного между 1853 и 1854 г.

Мій боже милий, знову лихо!
Було так любо, було тихо;
Ми заходились розкувать
Своїм невольникам кайдани...
Аж гульк!.. І знову потекла
Мужицька кров! Кати вінчанні,
Мов пси голодні за маслак
Гризуться знову...[2]

Отрывок был откликом поэта на Крымскую войну, которая началась как завоевательная. Только когда соединенные силы интервентов — Турции, Англии и Франции — вторглись в пре-

---

[1] И постримемся мы в лакеи
И ревностно, надев ливрею,
Научимся царей любить...

Перевод *А. Гатова.*

[2] Опять настало время злое!
А было тихое такое...
Мы собирались расковать
Невольников, разбить оковы.
Но глянь, — опять струится кровь
Мужичья... Палачи в коронах,
Как псы голодные, за кость
Грызутся снова...

Перевод *С. Олендера.*

делы России, изменился характер войны, русский народ встал на защиту священных рубежей своей родины. Поэтому данная в поэтических образах оценка начала Крымской кампании была глубоко-прогрессивной, революционной, осуждающей завоевательную политику царизма наравне со всякой иной завоевательной политикой.

Надо было обладать большим присутствием духа, чтобы хранить у себя стихотворение, за обнаружение которого пришлось бы расплачиваться новыми лишениями. Но таков уж был Шевченко: он не привык сворачивать с пути.

Кроме этого отрывка, за семь лет (1850—1857 гг.) поэт по-украински не написал ни одной строки.

VII

Первые три месяца пребывания в Новопетровске Шевченко не рисковал писать даже ближайшему своему другу В. И. Репниной.

Комендантом укрепления в это время был придирчивый службист А. И. Маевский. Он учредил строгий контроль над письмами «рядового из политических преступников».

Кроме того, он приставил к поэту «дядьку», который глаз с него не спускал, обыскивая своего поднадзорного после каждого выхода из помещения.

Однако и в этих каторжных условиях энергия Шевченко не пропадает. Он старается найти для себя какой-то круг интересов, который помог бы ему не опуститься, сберечь свои душевные силы.

Мы знаем, например, что Шевченко участвовал в любительском спектакле, играл Ризположенского в «Свои люди — сочтемся» Островского.

Спектакль имел успех и был показан солдатам. В казармах, по примеру любительского офицерского кружка, организовалась «труппа», — видимо, не без участия поэта.

Особенно Шевченко должна была тяготить невозможность даже в письмах поделиться с друзьями своими переживаниями.

Рассказывать о себе приходилось очень осторожно и в самых общих выражениях.

Вот как, например, писал он В. Н. Репниной 12 января 1851 г:

«В прошедшем году со мною ничего нового не случилось, разве что меня перевели из Орской крепости в Новопетровское укрепление, на восточный берег Каспийского моря... Начальники мои люди хорошие, здоровье, благодаря бога, хорошо» и т. д.

Только с течением времени удается наладить доставку писем, минуя контроль начальства, и поэт решается откровенно приподнять завесу над своей жизнью:

«Живу я, можно сказать, жизнью публичною, — сообщал он А. О. Козачковскому, — сиречь в казармах, муштруюсь ежедневно, хожу в караул и т. д. Одно слово — солдат, да еще какой! Просто пугало вороньe!»

Муштра была основательная: дядька обучал его ружейным артикулам (приемам) и маршировке в три темпа (счета) учебным шагом. Поэт был так слаб, что едва подымал ружье, а назначался в караул наравне со всеми: в 1852 г. он выстоял в карауле 63 раза —

столько, сколько полагалось нижнему чину новопетровского гарнизона.

Надо было знать ненависть Шевченко к муштре, чтобы понять, чего ему стоила солдатчина. Еще в Орске в стихотворении А. О. Козачковскому он писал:

Благаю бога, щоб світало,
Мов волі, світа сонця жду.
Цвіркун замовкне; зорю б'ють,
Благаю бога, щоб смеркало,
Бо на позорище ведуть
Старого дурня муштрувати, —
Щоб знав, як волю шанувати,
Щоб знав, що дурня всюди б'ють.[1]

«Давит меня в этой пустыне одиночество, вот мой лютейший враг, — читаем в письме к А. Лизогубу. — В этой широкой пустыне мне тесно, а я один... До сих пор не имею позволения рисовать, шестой год уже, ужасно».[2]

Осенью 1852 г. Новопетровское укрепление посетил естествоиспытатель Головачев. Шевченко провел с ним несколько часов в беседе. Приехавший поделился с поэтом театральными и литературными новостями. Пробили зорю, и Шевченко должен был поспешить в казарму. Но, несмотря на краткость встречи, с вооду-

---

[1] Молю я бога, чтоб светало:
Как воли, света солнца жду.
Сверчок смолкает, «зорю» бьют;
Молю я бога, чтоб смеркалось —
Ведь на позорище ведут:
Пусть муштру старый дурень знает,
Пускай о воле не мечтает
И помнит: дурня всюду бьют.

Перевод *Г. Владимирского.*

[2] Письмо от 16 июля 1852 г.

шевлением писал автор «Кобзаря» об этом счастливом для него вечере историку и этнографу Бодянскому:

«Я с ним провел несколько часов, самых прекрасных часов, каких я уже давно не знаю».[1] Радость была понятна: кроме «Русского инвалида», эти два года ссыльный ничего добыть не мог. Неудивительно, что в том же письме вырвался крик отчаяния:

«Кругом горе, пустыня, а в пустыне казармы, а в казармах солдаты, а солдатам какая радость к лицу!»

Только со смертью Маевского и приездом нового коменданта крепости, майора И. А. Ускова, в положении «рядового из политических преступников» наступил решительный перелом.

Летом 1853 г. Шевченко нашел близ укрепления хорошую глину и алебастр. Усков счел возможным разрешить ему заниматься ваянием, поскольку в приговоре запрещалось только рисовать. Такое толкование было вполне естественным и логичным, но в обстановке постоянной травли поэта требовало со стороны коменданта некоторой доли гражданского мужества, которое у того, к счастью, нашлось.

В письмах к С. Атемовскому, Б. Залесскому и М. Лазаревскому Шевченко подробно рассказывает о своих занятиях, просит выслать ему скульптурные фигурки для модели, узнать о технологии процесса у известного гравера Иоахима и медальера Ф. П. Толстого (вице-президента Академии художеств).

До нас не дошла, к сожалению, ни одна из скульптур (их было довольно много и, между

---

[1] Письмо от 15 ноября 1852 г.

прочим, — «Трио», «Иван Креститель», «Киргизская кибитка» и др.).

С 1853 г. Шевченко обращается к творчеству на русском языке. В ссылке им было написано около двадцати повестей.

Некоторое улучшение его положения не означало, что отношение к поэту в «верхах» изменилось. Когда в январе 1854 г. Усков обратился к Перовскому с просьбой разрешить Шевченко написать запрестольный образ для крепостной церкви, то в ответ получил категорический отказ.

28 октября генерал-майор Фрейман, начальник артиллерии Оренбургского округа, инспектировал укрепление. Узнав о положении Шевченко, он возбудил ходатайство о производстве его в унтер-офицеры. Но, вследствие отрицательного отзыва бригадного командира (Львова), который нашел, что поэт «по фронтовому образованию слаб», производство не состоялось.

Во второй половине сентября 1854 г. на полуостров Мангышлак прибыла экспедиция академика Бера. Участник экспедиции, И. Даниловский в течение двухмесячного пребывания в Новопетровском укреплении очень сдружился с ссыльным поэтом.

В 1853—1855 гг. Шевченко пережил глубокое чувство к жене коменданта, А. Е. Усковой, связанное с последующим трагическим разочарованием.

«Это одно, единственное существо, которым я увлекаюсь иногда даже до поэзии», — восторженно делился своей радостью поэт с Бр. Залеским.[1]

---

[1] Письмо от 9 октября 1854 г.

«Я полюбил ее возвышенно, чисто, всем сердцем и всей благодарной моей душой, — читаем в другом письме.[1] — Не допускай, друже мой, и тени чего-либо порочного в непорочной любви моей». А уж через два месяца (в письме к тому же адресату) с гневом и болью зачеркивал прошлое:

«А моя нравственная, моя единственная опора, и та в настоящее время пошатнулась, и вдруг сделалась пустой и безжизненной: картежница, ничего больше. Или это мне кажется так, или оно в самом деле так есть. Я так ошеломлен неудачею, что едва различаю черное от белого».[2]

Будучи в Новопетровске, Шевченко поддерживал не только письменную, но и личную связь с оренбургскими поляками. Бр. Залесский побывал в новом месте ссылки поэта (Шевченко неоднократно упоминает об этом в письмах). Влияние поэта на ссыльных поляков было весьма велико.

В Новопетровское укрепление засылается из Оренбурга какой-то «киевский студент», о котором немедленно узнает Шевченко и запрашивает у Сигизмунда Сераковского (6 апреля 1856 г.):

«Кто такой киевский студент, посылаемый сюда. Если ты знал его в Оренбурге, то сообщи мне: а то я не мастер сразу узнавать людей, чтобы не дать маху...»

Сходится поэт и с Мостовским, с которым впоследствии откровенно беседует о революции 1830 года. К этому же времени относится и переписка с А. Плещеевым. Плещеев — поэт-

---

[1] От февраля 1855 г.

[2] О том же в повести «Художник» — «Поэмы, повести и рассказы», стр. 353—354.

петрашевец — был сдан в солдаты в один из оренбургских линейных батальонов в 1849 г. Из Оренбурга был переведен в Уральск, оттуда – в Ак-Мечеть, затем, в 1852 г. — снова в Оренбург и в 1856 г. возвратился в столицу. По возвращении в Петербург напечатал в октябрьской книжке «Современника» перевод стихотворения Шевченко «Проходят дни, проходят ночи».

До нас дошло только одно письмо Шевченко к Плещееву, но оно содержит прямое указание на ряд предшествовавших («не поняйте же мне, что я не отвечал на ваши письма»).

Они были настолько коротко знакомы, что Шевченко поручал своему будущему переводчику устройство повести «Княгиня» в «Современнике» и писал: «каждое слово вашего письма я принимал, как слово брата, как слово искреннего друга».

«Вот что случилось со мной, — продолжал автор «Кобзаря». — В прошлом году генерал Фрейман представил меня в унтер-офицеры. Я существовал этой бедной надеждою до конца марта текущего года; а перед самой пасхой почта привезла приказ майора Л-ва (Львова. — *Г. В.*), чтобы взять меня в руки и сделать меня образцовым фрунтовиком, а не то я никогда не должен надеяться на облегчение моей участи. Хорошо я встретил праздник пасхи. Праздник прошел, и из меня, теперь пятидесятилетнего старика (Шевченко тогда шел сорок второй год.— *Г. В.*), тянут жилы по осьми часов в сутки».

Несмотря на жалобы в письмах, у поэта чувствуется новый прилив энергии. Он снова начинает обращаться к разным лицам, стараясь добиться содействия в освобождении из ссылки.

Он напоминает о себе, прося заступничества у «рідного батька» В. И. Григоровича (вторая половина апреля 1856 г.). Обращается сначала через художника Осипова, а затем и непосредственно к вице-президенту Академии художеств Ф. П. Толстому и т. д.

В июле мелькнула новая надежда: майор Львов, тот самый, который воспрепятствовал выслуге поэта, лично возбудил ходатайство о производстве его в унтер-офицеры. Но представление было отклонено...

Истекает девятый год ссылки. Друзья в столице не перестают хлопотать об его освобождении, но попрежнему безрезультатно. Железная воля поэта начинает сдавать.

«О, спасите меня, или еще один год — и я погиб», — безнадежный крик отчаяния прерывает спокойное течение письма к гр. А. И. Толстой.

Смерть Николая и воцарение Александра II также не принесли избавления. Царь вычеркнул имя поэта из списка лиц, подлежащих амнистии. «Он жестоко обидел мою мать», — будто бы сказал при этом Александр II, намекая на памфлетную характеристику Александры Федоровны в поэме «Сон» (где она сравнивалась с «засушенным грибом»).

«Высочайшая милость была для всех, но — увы! — меня не осенила», — раздраженно писал Шевченко художнику Осипову.

Друзья поэта старались его всячески подбодрить, поддержать почти угасшую надежду.

В конце мая С. Сераковский ласково утешал его: «Еду с полной надеждой, что судьба твоя облегчится... Великие люди перенесли великие страдания. Одно из величайших — стень без-

выходная, дикая пустыня. В пустыне жил певец Апокалипсиса, в пустыне и ты теперь живешь, наш лебедю».

Все чаще и чаще шлет письма Бр. Залесский, пишет М. Лазаревский, утешает гр. Толстая. В судьбе Шевченко принимают участие поэт А. К. Толстой, братья Жемчужниковы, вице-президент Академии художеств Ф. П. Толстой, Ф. Писемский. Писемский летом 1856 г. сообщает Шевченко:

«Я видел на одном вечере человек 20 ваших земляков, которые, читая ваши стихотворения, плакали от восторга и произносили ваше имя с благоговением. Я сам писатель и больше этой заочной чести не желал бы другой славы и известности, и да послужит все это утешением в вашей безотрадной жизни».

Много рисуя в эти годы, Шевченко задумывает серию картин «Притча о блудном сыне» — беспощадное обличение военно-феодальной монархии, потрясающий по реализму показ ужасов царской казармы.

Но страшная душевная усталость начинает одолевать его:

«Если продлится еще год мое заточение, то я непременно одурею», — в отчаянии пишет он 8 ноября 1856 г. Бр. Залесскому.

До дня желанной свободы прошло еще около года. Хлопоты Ф. П. Толстого, решившего на свой страх и риск обратиться к Александру II (вопреки предостережению президента Академии художеств, великой княгини Марии Павловны), неожиданно увенчались успехом. В январе царь согласился освободить поэта от военной службы.

7 апреля (письмо шло почти три месяца) Шевченко получил от М. Лазаревского извеще-

ние об окончании десятилетней пытки: «Об увольнении его (Шевченко. — *Г. В.*) в отставку уже последовало разрешение царя и сообщено об этом военному министру для исполнения...» Впервые за десять лет поэт подписался в письме к Ф. П. Толстому «Художник Т. Г. Шевченко». «В продолжение десяти лет, — записывал он в «Дневнике», — я писал и подписывался — рядовой Т. Шевченко и сегодня в первый раз написал я это, душу радующее звание».[1]

Незадолго до своего освобождения поэт начинает вести «Дневник». В него он будет записывать шаг за шагом факты своей жизни вплоть до 12 июля 1858 г.

Первую запись Шевченко сделал 12 июня, а 21 июля комендант Новопетровского укрепления, А. И. Усков, получил официальное уведомление об отставке «рядового из политических преступников». Более трех с половиной месяцев шла эта бумага по инстанциям.

«Опять тоска и бесконечное ожидание. Неужели от 16 апреля до сих пор не могли сделать в корпусном штабе насчет меня распоряжения. Холодные, равнодушные тираны! Вечером возвратился я в укрепление. И получил приказание от фельдфебеля готовиться к смотру. Это результат давно ожиданной почты и с таким трепетом ожиданной свободы!

«Тяжело, невыразимо тяжело! Я одурею, наконец, от этого бесконечного ожидания», — читаем в записи от 18 июня. Начальство не стремилось ускорить освобождение, словно боялось отказать себе в удовольствии лишний раз поиздеваться над великим поэтом. Об этом

---

[1] Запись от 26 июля 1857 г.

с грубой прямотой солдафона сказал непосредственный начальник Шевченко, капитан Косарев.

На смотру он «благосклонно» хлопнул поэта по плечу и пообещал сделать из него отличного правофлангового.

И тут же отдал приказание ефрейтору учить его маршировке и ружейным приемам «часика по четыре в день».[1] Много терпел поэт из-за нежелания сближаться с офицерами, которые непрочь были водить компанию с Шевченко. Но автор «Кобзаря» всячески избегал общества «вонючего осадка христолюбивого воинства», как он называл офицерскую среду, погрязшую в склоках, мелком разврате и постоянных попойках.

Однажды он проходил мимо офицерского флигеля, откуда доносилось пьяное пение.

На беду навстречу вышел военный инженер Кампиони, отчаянный пьяница, подлый и мстительный человечек. Увидев поэта, он затащил его к своим собутыльникам. Несколько человек сидели и лежали на конюшне; посредине возвышалась полуведерная бутыль сивухи. Шевченко резко повернулся и направился к выходу. Тогда Кампиони схватил его в объятия, но Шевченко вырвался и выбежал на площадь. Кампиони вызвал дежурного унтер-офицера и велел посадить Шевченко на гауптвахту. Комендант, не разобрав как следует рапорта разводящего, оставил поэта «для вытрезвления» и только на следующий день освободил его из-под стражи.

Между тем Кампиони подал рапорт коменданту, докладывая, что Шевченко в пьяном

---

[1] «Дневник», запись от 7 июля 1857 г.

виде обругал его площадной бранью. Остальные офицеры своими подписями засвидетельствовали слова Кампиони. Комендант вызвал к себе Шевченко и вместо объяснения дал прочесть донос, состряпанный гнусным забулдыгой.

Чтобы не попасть под суд, поэт должен был «спрятать гордость в карман», напялить мундир и отправиться просить прощенья. Негодяй Кампиони продержал его битых два часа в передней.

Потребовались долгие извинения и просьбы со стороны Шевченко, чтобы клеветник согласился взять обратно рапорт.

«О, мои искренние, верные друзья! — со страстной горечью записывал Шевченко в «Дневнике», — если бы вы знали, что со мной делают. на расставании, десятилетние палачи мои, вы бы не поверили, потому что я сам едва верю в эти гнусности. Мне самому это кажется продолжением десятилетнего отвратительного сна».

Избегая всячески общества офицеров, Шевченко искал себе друзей среди «нижних чинов». В «Дневнике» он с чудесной теплотой нарисовал образ двух солдат — Скобелева и Андрея Обременко.

Скобелев, сосланный за ответную пощечину своему командиру, утаившему его деньги, просто и хорошо исполнял песню:

Тече річка невеличка
З вишневого саду.

Песня переносила поэта на берега Днепра, на милую далекую родину. «Бедный Скобелев! — писал поэт. — Родился ты и вырос в невольничестве. Вздумалось тебе попробовать широкой,

сладкой, вольной воли, и ты залетел в Эдикуль (так обыкновенно называют солдаты Новопетровское укрепление), залетел ты в мою семилетнюю тюрьму певучей-птицей из Украины, как будто для того только, чтобы своими сладкими заунывными песнями напоминать мне мою милую, мою бедную родину. Бедный, несчастный Скобелев! ты честно благородно возвратил пощечину благородному вору-грабителю и за это честное дело прошел ты сквозь строй и понес тяжелые кандалы на берега пустынного Иртыша и Оми. Встретишь ли в своей неволе такого внимательного и благодарного слушателя, товарища твоих заунывных, сладких песен, как я был? Встретишь — и не одного, такого же, как и ты, невольника-сироту...»[1]

Андрей Обременко, ротный хлебопек и квасник, души не чаял в Шевченко. Поэта привлекало в нем его душевное благородство и любовь к детям. Но особенно радостно было видеть в таком человеке из гущи народной большое чувство личного и национального достоинства. «Независимо от его простого благородного характера, я полюбил его за то, что он в продолжение двадцатилетней солдатской пошлой, гнусной жизни не опошлил и не унизил своего национального и человеческого достоинства», — записывал Шевченко 29 июля. Эта запись была последнею, сделанной в укреплении.

1 августа Усков выдал Шевченко разрешение на выезд из Новопетровска.

О своем решении комендант донес рапортом корпусному командиру, указав, что Шевченко отказался от прогонных и кормовых денег.

---

[1] Запись от 8 июля 1857 г.

Приостановления распоряжения или другого ответа на рапорт не последовало. Но в это время командование батальоном принял вместо благожелательно начавшего относиться к поэту Львова некто Михальский, который воспользовался увольнением Шевченко для сведения счетов с Усковым. Он поднял вопрос о неправильностях, допущенных комендантом при выдаче документа об отставке. Корпусной, несмотря на то, что раньше не возражал против действий Ускова, объявил последнему строгий выговор. Усков не на шутку испугался и послал «во все полиции градские» депеши о задержании Шевченко и препровождении его в Оренбург для «показания постоянного местожительства».

Не зная о готовящейся новой неприятности, Шевченко на семнадцать дней задержался в Астрахани, где у него было много старых знакомых. В Астрахани ему сразу бросается в глаза, что «плебейская же физиономия калмыка и татарина здесь редко покажется: ее место на исадах (съестной базар. — *Г. В.*) и в грязных переулках. Вематриваясь пристальнее в господствующую здесь узкоглазую физиономию калмыка, я нахожу в ней прямодушное, кроткое выражение. И эта прекрасная черта благородит этот некрасивый тип».[1] Поэт старается занести в «Дневник» всякий факт, свидетельствующий о порабощении наций царизмом. Проезжая Чебоксары и отметив в нем большое количество церквей, он размышляет:

«Для кого и для чего они построены? Для чувашей? Нет, для *православия*. Главный узел московской старой внутренней политики —

[1] «Дневник», запись от 10 августа 1857 г.

православие. Неудобозабываемый Тормоз (Николай I. — *Г. В.*) по глупости своей хотел затянуть этот ослабевший узел и перетянул: он теперь на одном волоске держится».[1]

Астраханская молодежь радостно встретила великого поэта, и дневник запестрел десятком подписей почитателей.

22 августа на пароходе «Князь Пожарский» Шевченко направляется мимо Саратова и Казани в Нижний Новгород.

Буфетчик парохода Алексей Панфилович Панов, вольноотпущенный помещика Крюкова, оказался превосходным скрипачом и композитором. Три ночи слушал великий поэт «крепостного Паганини». Личная трагедия Панова наполнялась для Шевченко тем же социальным содержанием, что и трагедии, так жизненно описанные в повестях «Музыкант» и «Художник».

Ему было дорого то, что из «бедной скрипки» Панова «вылетают стоны поруганной крепостной души и сливаются в один протяжный, мрачный, глубокий стон миллионов крепостных душ».[2] Поэт пророчески вглядывается в будущее, он почти осязал это будущее, он видел в мутной дали тысячи людей, внимающих песням Скобелева и музыке Панова, он чувствовал, что правопорядок, основанный на насилии, неминуемо уступит место строю, в основе которого будет лежать свободная дружба наций.

Из Новопетровска Шевченко выехал в летнем кителе и туркменском чапане. Между тем

---

[1] «Дневник», запись от 17 сентября 1857 г.
[2] Там же, запись от 27 августа 1857 г.

в конце августа началось значительное похолодание — подул свежий норд-ост.

А. А. Сапожников, арендовавший у пароходной компании «Князя Пожарского», снабдил замерзавшего поэта теплым пальто и тем спас его от верной простуды.

А. Сапожников и капитан парохода Кишкин не только окружили автора «Кобзаря» житейским вниманием, они познакомили его с литературными новинками, особенно с потаенной литературой, переписанной в заветные тетрадки.

В 40-е и 50-е годы — годы «цензурной грозы» — снова, как во времена Пушкина, свободное слово было загнано в подполье. Печатный станок заменили переписчики, наряду с книгой широкое распространение получили рукописные сборники. Жадно впитывает в себя поэт голос новой России, ищет в бесцензурных стихах свидетельство нового общественного подъема. Лучшие из образцов потаенной литературы он переписывает в свой «Дневник» («Собачий пир» Барбье в переводе Бенедиктова, «Русскому народу», в дальнейшем стихи В. Курочкина «На смерть Беранже» и др.). С восторгом слушает он отрывки поэм Рылеева (с творчеством которого познакомился еще до ссылки), радостно приветствует появление «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина и заносит в «Дневник»:

«Я благоговею перед Салтыковым. О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какою радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опа-

скуженную черпь! За этого поруганного бессловесного смерда!» [1]

Жилка этнографа и фольклориста толкает поэта на собирание песен, пословиц, легенд. Записи этого рода наполняют «Дневник»; наряду с украинским народным творчеством Шевченко интересует творчество русского народа (пословицы. меткие словечки, поговорки, легенды). Особое место среди образцов фольклора занимают песни и сказы о героях крестьянских движений.

20 сентября 1857 г. «Князь Пожарский» бросил якорь против Нижнего Новгорода. Начинается период почти полугодичного вынужденного сидения в этом городе.

VIII

Картины Шевченко последних годов ссылки (1853—1856) отмечены тем же революционным направлением, что и его поэзия.

В «Байгушах» (1853 г.) на переднем плане изображены киргизские дети, просящие подаяния. За ними через приоткрытую дверь виден сам художник в солдатском мундире. Социальное содержание еще более заострено во втором варианте «Байгушей» (не дошедшем до нас в подлиннике): байгуши (нищие) стоят под окнами, ожидая подачки; вместо нее из окна грозит им огромный кулак.

В 1856 г. Шевченко работает над серией картин «Притча о блудном сыне». Характерно, что на этот замысел (как передает

---

[1] «Дневник», запись от 5 сентября 1857 г.

один из мемуаристов) Шевченко толкнуло чтение замечательной народной русской «Повести о Горе-Злочастии», напечатанной в «Современнике» за тот же год. Тему Судьбы-доли, распространенную и в устной народной поэзии, мы находим в целом ряде произведений автора «Кобзаря» и до ссылки («Катерина», «Гайдамаки», «Сон», «Невольник» и др.). Но только после ссылки образ «Судьбы-доли» теряет черты фатализма, присущие ему в ранних произведениях поэта, и становится ярким выражением ужасов социального и национального гнета — неизменных спутников крепостнической системы.

Использовав тему, в которой скрестились литературная и фольклорная традиции, Шевченко сумел достичь в серии «Блудный сын» глубокой жизненной правды, идейной глубины, широкого социального содержания и сатирической направленности.

8 ноября 1856 г. Шевченко писал Бр. Залесскому:

«Недавно мне пришла мысль представить в лицах евангельскую притчу о блудном сыне, в нравах и обычаях современного русского сословия. Идея сама по себе глубоко поучительна, но какие душу раздирающие картины составил я в моем воображении на эту истинно нравственную тему. Картины с мельчайшими подробностями готовы (разумеется, в воображении), и дай мне теперь самые белые средства, я окочепел бы над работой. Я почти доволен, что не имею теперь средств начать работу. Мысль еще не созрела, легко мог бы наделать промахов; выношу, как младенца в утробе, эту бесконечно разнообразную тему», и далее: «для исполнения задуманного мною сюжета, необходимы живые,

а не воображаемые типы. А где я их возьму в этом вороньем гнезде? А без них, без этих путеводителей, легко сбиться с дороги и наделать самых нелепых промахов». В письме от 8 мая 1857 г. он продолжал развивать свой замысел: «Первых четырех сцен еще не начинал за неимением модели, необходим русский типический купец, чего здесь не имеется». В «Дневнике» (26 июня 1857 г.) автор выражает желание выпустить «Притчу о блудном сыне» в гравюре (акватинте), «приноровленную к современным правам купеческого сословия» (далее: «к грубому нашему купечеству»). Приходя к мысли, что жизнь требует «драматического сарказма», сатиры, Шевченко пишет: «Жаль, что покойник Федотов не наткнулся на эту богатую идею, он бы из нее выработал изящную сатиру в лицах для нашего темного полутатарского купечества. Мне кажется, что для нашего времени и для нашего среднего полуграмотного сословия необходима сатира, только сатира умная, благородная. Такая, например, как «Жених» Федотова или «Свои люди — сочтемся» Островского и «Ревизор» Гоголя».

В 50-х гг. реализм в живописи только начал себе завоевывать место. Среди немногочисленных художников-реалистов буквально единицы создавали полотна, выражающие критическое отношение к действительности. Наряду с знаменитым художником-жанристом Федотовым, Шевченко и здесь выступил пионером-новатором.

Эту особенность творчества Шевченко-художника очень хорошо подметил Л. Жемчужников:

«В народном искусстве не высказывалось столько сознания, столько силы, сколько у него

(у Шевченко. — *Г. В.*). Тогда как другие ловили прелесть, со спокойным духом писали мирный уголок, свадьбу, ярмарку и проч. — его дух волновался, страдал и выливался горькими слезами, которые потом обратились в беспокойное негодование, залитое желчью».[1]

Шевченко является художником того типа, у которого творческая практика неотделима от эстетических взглядов, художественные вкусы — от тяготения к стихийному материализму, к реализму. Свое эстетическое отношение к действительности он наиболее полно раскрыл в «Русских повестях» (особенно в «Художнике») и в записях «Дневника».

Вспомним, что еще в первые годы учения в академии Шевченко осудил «мюнхенскую школу» художников-идеалистов.

О материализме как основе эстетики Шевченко говорит в «Дневнике», оценивая «Эстетику» польского философа-искусствоведа Карла Либельта. Либельт вначале отталкивает автора «Дневника» тем, что «показался мистиком и непрактиком в искусстве». Но стоило найти у этого автора некоторое подобие материалистического взгляда на искусство, как «примирение» состоялось:

«Сегодня и Либельт мне показался умеренным идеалистом и более похожим на человека с телом, нежели на бесплотного немца. В одном месте он (разумеется, осторожно) доказывает, что воля и сила духа не может проявиться без материи. Либельт решительно похорошел в моих глазах, но он все-таки школяр. Он пренаивно доказывает присутствие всемогущего

---

[1] «Основа», 1861 г., март.

творца вселенной во всем видимом и невидимом нами мире». [1]

Борясь с идеализмом в теории искусства и в его творческой практике, Шевченко с одинаковым осуждением относится к натурализму, к слепому копированию действительности, не содержащему отношения художника к окружающему миру.

«Мне кажется, что свободный художник настолько же ограничен окружающей его природою, насколько природа ограничена своими вечными, неизменными законами. А попробуй этот свободный творец на волос отступить от вечной красавицы природы, он делается богоотступником, нравственным уродом, подобным Корнелиусу и Бруни. Я не говорю о дагерротипном подражании природе. Тогда бы не было искусства, не было бы творчества, не было бы истинных художников. А были бы только портретисты вроде Зорянко».

Упоминание имени Зорянко, как наиболее отрицательного примера натурализма, «дагерротипного» изображения природы, находим и в повести «Музыкант».

«А как ни будь хороша картина в целом, но если художник пренебрег подробностями, то картина его останется только эскизом, на который истинный знаток и любитель посмотрит и только головой покачает и отойдет со вздохом к портретам Зорянки — восхищаться гербами, с убийственною подробностию изображенными на пуговицах какого-нибудь вице-мундира». [2]

Реалистическое изображение действительности немыслимо без «нежной любви к людям»

---

[1] Запись от 11 июля 1857 г.

[2] «Поэмы, повести и рассказы», стр. 393.

(предполагающей само собой отрицательное отношение к насилию человека над человеком). Эта особенность шевченковского понимания реализма ярко подчеркнута в его противопоставлении Гоголя французскому писателю Сю:

«Перед Гоголем должно благоговеть, как перед человеком, одаренным самым глубоким умом и самою нежною любовью к людям! Сю, по моему, похож на живописца, который, не изучив порядочно анатомии, принялся рисовать человеческое тело, и чтобы прикрыть свое невежество, он его полуосвещает. Правда, подобное полуосвещение эффектно, но впечатление его мгновенно! — так и произведения Сю, пока читаешь — нравится, помнишь, а прочитал — и забыл. Эффект и больше ничего». [1]

Совершенно естественно поэтому, что художественные вкусы Шевченко толкают его на изучение тех эпох, когда развитие демократии вливало могучую силу народности в живопись. Он обращается к античности, к эпохе Возрождения, к голландцам, т. е. к истокам реалистического искусства.

«Теперь только я совершенно понял, как необходимо изучение антиков и вообще жизни и искусства древних греков», — говорит он в повести «Художник».[2]

Вопреки теории «чистого искусства», «искусства для искусства», Шевченко подчеркивает связь искусства с жизнью, с мировоззрением художника.

«Во всех портретах Ван-Дейка господствующая черта — ум и благородство, и это объяс-

---

[1] Письмо Шевченко В. Н. Репниной от 7/III. 1850 г.
[2] «Поэмы, повести и рассказы», стр. 322.

няется тем, что Ван-Дейк сам был благороднейший умница. Также я толкую себе общую экспрессию прекрасных рисунков Штернберга».[1]

Шевченко был подлинным новатором в живописи и поэзии и от художника требовал отказа от «средней дороги».

«Вообще в жизни средняя дорога есть лучшая дорога, но в искусстве, в науке и вообще в умственной деятельности средняя дорога ни к чему, кроме безвременной могилы, не приводит».[2]

Он видел, что в феодально-буржуазном обществе великие художники, которые не идут на службу властителям жизни, обречены на голодное прозябание:

«Когда Лев X и Леон II... сыпали золото встречному и поперечному маляру и каменщику, — в то золотое время умирали великие художники с голоду» («Художник»).

Но его не страшат испытания, он ради них не пойдет внаймы («тільки в наймы не наймуся», — говорит поэт в одном стихотворении).

«Лучше с котомкой итти за границу, чем с барином ехать в карете», — читаем в той же повести «Художник». Шевченко в «Дневнике» упрекает Айвазовского в том, что тот погоней за деньгами оскорбляет «бескорыстное, непорочное искусство».

Шевченко не только художник-реалист, он и общественный деятель, пропагандирующий искусство. Стоит вспомнить издание «Живописной Украины», отзывы об академических выставках в повести «Художник» и в «Дневнике», чтобы понять, что движение вперед

---

[1] «Поэмы, повести и рассказы», стр. 317.
[2] Там же, стр. 339.

живописной мысли, особенно, когда оно шло по пути национального и народного, демократического искусства, Шевченко считал своим личным, кровным делом.

В письме художнику Осипову (от 20 мая 1856 г.) он горячо говорит о развитии национального искусства (русского и украинского) и, полный национальной гордости, клеймит раболепие царских чиновников перед бездарными немецкими архитекторами, когда вокруг столько талантливых русских скульпторов и зодчих. [1]

Если сопоставить приведенные оценки и мысли Шевченко об искусстве с его высказываниями в письмах к Бр. Залесскому о необходимости обличительного, сатирического изображения действительности (по поводу «Блудного сына»), с его взглядами на национальный и народный элемент в искусстве (в предисловии к «Кобзарю», 1847 г.), то перед нами предстанет в известной мере цельное эстетическое отношение Шевченко к действительности, совпадающее с его творческой практикой как в поэзии, так и в живописи.

IX

В последние годы ссылки Шевченко обратился к прозе на русском языке.

Буржуазные националисты это обстоятельство старались представить исключительно как результат запрещения поэту пользоваться в своем творчестве родным языком. Опровергнуть такого

---

[1] Отметим, что эпиграфом к предисловию рукописного «Кобзаря» взяты две строчки из Грибоедова о «чужевластии мод».

рода измышление не представляет труда. До нас, как мы уже знаем, дошел отрывок стихотворения, — отклика на Крымскую кампанию, датированный 1853—1854 гг.

Если бы Шевченко действительно боялся писать по-украински, то чем объяснить не только написание революционного стихотворения, но и его дальнейшее хранение?

«Дневник», написанный по-русски, содержит такое количество чрезвычайно резких оценок царизма, что, будь он обнаружен, автора не спасло бы формальное толкование царского запрещения только как запрещение писать на родном языке.

Наконец, и после ссылки, когда уже никакой речи не могло итти о принуждении, Шевченко продолжает вести «Дневник» по-русски.

Сам поэт в письме к С. Т. Аксакову (1868 г.) свое обращение к русскому языку объяснял так:

«Трудно мне одолеть русский язык, а одолеть его необходимо. Он у меня теперь, как краски на палитре».

В «Дневнике» (после возвращения из ссылки) Шевченко, рассказывая о намерении написать эпопею «Дервиш и Сатрап», отмечает, что хочет в образец себе взять «Анжело» Пушкина и что «Сатрапа и Дервиша» надо было бы написать по-русски.

Все приведенные факты достаточно убедительно свидетельствуют о том, что «русские повести» (так сам Шевченко назвал свою прозу) не водораздел, а мост между двумя периодами творчества поэта на родном языке (1840—1850 гг. и 1857—1861 гг.).

Из «Русских повестей» до нас дошло девять: «Наймичка», «Княгиня», «Варнак», «Музыкант»,

«Несчастный», «Капитанша», «Близнецы», «Художник» и «Прогулка с удовольствием и не без морали»; содержание десятой «повести о безродном Петрусе» известно из краткого пересказа его содержания, данного в 80-х гг. Н. Костомаровым.

Первые три повести («Наймичка», «Княгиня» и «Варнак») повторяют сюжеты одноименных украинских поэм,[1] но вносят в них гораздо более широкое социальное содержание.

Объясняется это не только тем, что повествовательный жанр требовал более развернутой характеристики действующих лиц, введения ряда бытовых подробностей, излишних в поэме, и т. д., — за годы, отделявшие новые произведения от более ранних, кругозор Шевченко стал шире, жизненный опыт богаче.

Все три повести объединяет одна тема: трагедия женщин — жертв помещичьего разврата.

В «Наймичке» девушка, обманутая офицером-уланом, подбрасывает ребенка бездетным старикам, к которым нанялась в батрачки, чтобы иметь возможность воспитывать своего сына. Соблазнитель-офицер случайно попадает на хутор и встречает Лукию. Бывшая любовница снова приглянулась барину, и он пытается ее обольстить вторично. Но материнское чувство и женское достоинство превозмогли: Лукия отказалась следовать за уланом. Перед смертью «Наймичка» открывает юноше-сыну свою тайну. Повесть «Княгиня» еще значительнее отходит от стихотворного сюжета: с романтического мотива греховной любви отца к дочери — на более реали-

[1] Повести «Княгиня» соответствует поэма «Княжна».

стический мотив неравного брака и трагедии крестьянки-княгини. В повести княгиня всячески помогает крестьянам, тайком ссужает их хлебом. Узнав об этом, князь жестко расправился с крестьянами и с их благожелательницей. Доведенная до отчаяния издевательствами помещика, княгиня подожгла барский дом и, не выдержав потрясения, сошла с ума.

Если Лукия относится к кругу безропотных жертв (поэмы «Катерина», «Наймичка» и др.), то княгиня принадлежит к группе героинь-мстительниц (поэмы «Слепая», «Княжна» и др.).

Третья повесть («Варнак») еще более отходит от своего прообраза в поэме. Герой «Варнака» — атаман шайки — полон ненависти к панам и жестоко с ними расправляется. Но им руководит только личная месть. Иным выведен Варнак в русской повести. Его любовь к Марысе разбита графом-соблазнителем. Варнак уходит в лес, становится предводителем шайки. Но описание его подвигов, отношение к нему окружного населения, распространение славы о нем по Волыни и Подолии свидетельствуют уже о том, что в лице Варнака выведен не разбойник, а предводитель повстанческого отряда.

«Я брал уже смелость, — говорит он, — нападать открыто на господские дома, потому что крестьяне изменяли своим тиранам».

Правда, повесть заканчивается тем, что герой является с повинной. Но нельзя забывать, что Шевченко предназначал свое произведение к печати и потому стремился зашифровать его истинный социальный смысл.

Повести «Музыкант» и «Художник» (отчасти «Капитанша») посвящены трагедии крепостного таланта.

В «Художнике» автобиографические моменты, рисующие выкуп из крепостной неволи самого автора, его встречи с К. П. Брюлловым и другими художниками, переплетаются с рассуждениями о тяжелом материальном положении художников в феодальном обществе. Шевченко показывает, что смерть с голоду — удел почти всех великих мастеров кисти, которые в «лохмотьях начинали и кончали свое великое поприще». «Разверните Вазари» (биографа знаменитых художников Возрождения. — *Г. В.*), — продолжает он, — и вы увидите то же самое, если не хуже».

В «Художнике» Шевченко поднялся до сознания того, что в феодальном обществе трагедия талантливой личности является типичным следствием самой системы.

В повести «Музыкант» выведен крепостной музыкант Тарас Федорович, получивший образование за границей. Талант не избавляет его от унизительной обязанности выполнять у помещика роль лакея. Если дальнейшая жизнь Тараса Федоровича складывается благополучно (он получает освобождение), то другое действующее лицо — талантливая крепостная артистка, Мария Тарасевич — заканчивает жизнь трагически: брошенная на произвол судьбы своим помещиком, она умирает в больнице.

В «Капитанше» автор показывает, как предоставление солдату Туману работы по призванию сразу его преображает и дает возможность развить свои способности.

В «Близнецах» Шевченко, варьируя тему о подкидышах, ставит вопрос о воспитании человеческой личности. Два мальчика, Савватий и Зосима, усыновленные супругами Сокирами,

получают одинаковое воспитание. Но под влиянием среды характеры у них образуются разные. Один из них, вышедший из стен университета, становится порядочным человеком, хорошим врачом; другой, попавший в кадетский корпус, а затем в офицерскую среду, — отъявленным негодяем, преступником.

История опустившегося на дно офицера является также темой «Несчастного».

Наконец, «Прогулка с удовольствием и не без морали» рассказывает историю матроса, отличившегося при защите Севастополя. Представленный к отличию, он просит вместо выдачи награды освободить его сестру Олену от крепостной зависимости. Помещик Куратовский пытается вначале сделать Олену своей любовницей, но, когда это ему не удается, влюбляется и женится на ней. Куратовский приглашает Олене воспитательницу — панну Дороту (которая оказывается впоследствии матерью Куратовского).

В «Русских повестях» Шевченко отказывается от всякой идеализации действительности, он стремится показать ее во всей неприглядности. «Подойдите к этой картине и всмотритесь в нее внимательнее, и вы увидите на ее розовом светлом фоне такие пятна, что поневоле отвернетесь», — писал он в «Наймичке». В «Прогулке с удовольствием и не без морали» автор еще явственнее подчеркивает обличительные задачи писателя:

«Если бы не только мы, сочинители, но вообще люди честные, не смотрели ни на родство, ни на покровительство, а указывали пальцем прямо, благородно на шута-родственника и на грабителя-покровителя, то эти тва-

ри, по крайней мере, днем бы не грабили и не паяснчали».

Стремление показать по-новому окружающую действительность дало возможность Шевченко найти новых героев своих произведений. Герои эти — незаметные, простые люди из гущи народной. Автор прекрасно знает своих героев, и не случайно, что положительные типы наиболее удались ему.

Военно-феодальную монархию Шевченко разоблачает в наиболее существенных ее проявлениях (крепостничество, солдатчина и угнетение наций). Он показывает, каким страшным бедствием для народа является морально распущенная военщина:

«На тот грех, как раз в чистый четверг вступила драгуння в Козелец, да и заквартировала по хуторам и по селам на все лето. Да и драгуння ж это была! Чтоб она к нам никогда не возвращалась. Да, таки дала себя знать эта проклятая драгуння. Не одна чернобровка умылась слезами» («Княгиня»).

Повести показывают, что в гнилой среде царской армии заложены основы развращения человеческой личности, пробуждения в человеке низменных инстинктов. Перед этим разложением бессильно полученное воспитание. «Речь о том,— пишет Шевченко в повести «Прогулка с удовольствием и не без морали», — где у нас в России та великая академия, которая образовывает таких бездушных автоматов. Нигде больше, я думаю, как в кавалерии. Хотя и пехотинец иной (речь идет об офицерстве. — *Г. В.*) при случае лицом в грязь не ударит».

Аналогичные мысли находим в «Близнецах» и в «Прогулке...». «Когда же и где ему (офи-

церству.—*Г. В.*) можно было освоиться с книгою? Штык и книга самая дикая дисгармония» («Прогулка...»).

В «Русских повестях» мы находим много подробностей отвратительного казарменного быта. Вот как, например, описывается одно из страшных издевательств над личностью солдата—пригонка амуниции:

«И действительно, страшно был смотреть, когда его бедного одевают в полную боевую амуницию: два одевают третьего, а когда оденут и поставят на ноги, так уж стой, а уж если, боже сохрани, споткнулся да упал, так уж там и лежи, сам не встанешь: нужно опять два человека, чтобы поставить его на ноги. А ко всему этому прибавьте белого сукна шинели; это такая обуза для солдата, что он, бедный, не знал, что с нею делать: вместо того, чтобы защищаться от непогоды, он должен ее защищать» («Капитанша»).

Рисуя страшные картины насилия над крестьянством, Шевченко в то же время показывает пробуждение чувства собственного достоинства в людях, одетых в солдатские шинели (Туман в «Капитанше», Яков Оберемепко в «Прогулке...» и пр.), и в крестьянских девушках, становящихся жертвами моральной распущенности помещиков-офицеров.

«Да пойми же меня. Ведь ты будешь офицерша,—увещевает сводня героиню повести «Наймичка».

«— Не хочу я быть офицершей; я — мать офицерского сына, с меня довольно».

Не меньший интерес представляют повести как выражение эстетических воззрений Шевченко. Вклинившись между двумя периодами

его поэтической деятельности (1837—1850 гг. и 1857—1861 гг.), «Русские повести» помогают нам более глубоко уяснить себе эволюцию Шевченко как автора «Кобзаря», понять, что решительный переход его после возвращения из ссылки в лагерь крестьянских демократов был органически обусловлен творчеством периода ссылки. Наконец, в «Русских повестях» автор их продолжает линию борьбы за украинскую тему, за украинскую культуру, линию пропаганды и творческого усвоения устной народной поэзии как украинской, так и других народов.

В повести приведено много народных украинских песен, широко использован украинский язык в диалогах действующих лиц. Иногда фольклорные украинские обороты вводятся в русский текст, — в этих случаях дается рядом перевод («Варнак»). Особенный интерес Шевченко проявлял к противопомещичьим песням, созданным в крепостной среде («Прогулка с удовольствием и не без морали»).

Часть песен, вставленных в тексты «Русских повестей», была использована Шевченко в оригинальном творчестве и в этом отношении представляет также значительный интерес.

Ни одна из повестей не увидела света при жизни автора.

Конечно, не низкий художественный уровень шевченковской прозы (как хотел представить дело П. Кулиш) послужил причиной этому. Несмотря на ряд своих недостатков, «Русские повести» представляли незаурядное явление в истории реалистически-бытовой повести 50-х гг.

Помешали их появлению в свет главным образом неудачно сложившиеся обстоятельства: невозможность непосредственно связаться с ре-

дакциями журналов. Надо думать, что помехой послужила бы и цензура: антикрепостническая тема в литературе второй половины 50-х гг. была темой особо запретной, и авторам приходилось прибегать к ряду ухищрений, чтобы обойти цензурные рогатки.

После смерти Шевченко рукописи «Русских повестей» попали к душеприказчику поэта М. М. Лазаревскому, который поместил в мартовской книжке журнала «Основа» за 1862 г. объявление о продаже десяти повестей (в числе их также впоследствии утраченную повесть о «безродном Петрусе») и отрывок из неизвестного драматического произведения. Впоследствии рукописи перешли к Н. Костомарову, у которого пролежали без движения в течение двадцати лет. Только с 1881 г. «Русские повести» начали печататься в отдельных изданиях.

В 1888 г. редакция журнала «Киевская старина» издала в одном томе «Поэмы, повести и рассказы Т. Г. Шевченко, писанные на русском языке». В течение 50 лет повести подлинника не выходили в свет и только к 125-летнему юбилею автора «Кобзаря» перезданы непосредственно с автографов.

X

Сходя на берег в Нижнем Новгороде, Шевченко еще не знал, что ему придется задержаться в этом городе почти на полгода. Только когда он посетил А. А. Сапожникова, находившийся у последнего директор пароходства «Меркурий» (которому принадлежал и «Князь Пожарский») И. А. Брыкин сообщил, что имеет предпи-

сание полицмейстера немедленно поставить власти в известность о прибытии поэта. Грозило следование этапом в Оренбург для получения царского указа об отставке. По совету Брылкина, Шевченко решает прикинуться больным — «по грех подлость отвратить лицемерием».

«Вот тебе и Москва! Вот тебе и Петербург! — заносит он в «Дневник». — Проклятие вам, корпусные и прочие командиры, мои мучители безнаказанные! Гнусно! Бесчеловечно! Отвратительно гнусно!» [1]

А узнав, что за ним учрежден секретный надзор и воспрещен въезд в обе столицы, негодует:

«Хороша свобода. Собака на привязи. Это значит — не стоит благодарности В[аше] В[еличество]». [2].

Пребывание в Нижнем Новгороде Шевченко использует для того, чтобы заполнить вынужденные пробелы в своем знакомстве с русской литературой 40-х и 50-х гг.

Он много работает в области живописи (портреты и этюды — зарисовки памятников старины), стремится доставать произведения вольной печати. Через Брылкина он знакомится с лондонским изданием «Голоса из России», у Якоби прочитывает «Крещеную собственность» Герцена, у Гранда просматривает «Полярную звезду» за 1856 г., перерисовывает в «Дневник» портрет Герцена, тепло описывает встречу с декабристом Анненковым. Декабристы и Герцен — «апостолы свободы» — проходили перед духовным взором поэта, когда он писал поэму

---

[1] Запись от 21 сентября 1857 г.
[2] Запись от 23 октября 1857 г.

«Неофиты» (закончил 8 декабря, через два дня после встречи с Аннепковым).

Городской врач, благодаря содействию нижегородских друзей поэта, выдал ему медицинское свидетельство с заключением о невозможности выезда по болезни,

Огромной радостью был для «мнимого больного» приезд знаменитого актера М. С. Щепкина, с которым Шевченко связывала давняя дружба. Щепкин, в противоположность Кулишу, не побоялся приехать в Нижний, как не побоялся в свое время навестить в Лондоне Герцена. Дружбу великих людей — актера и поэта-художника — особенно укрепляла их ненависть к крепостничеству. Этот основной лейтмотив их дум и родство души прекрасно уловил Герцен в статье о Мартьянове. Поэт не замедлил представить своему старому и старшему другу нижегородское свое увлечение — актрису К. Б. Шунову, «Тетясю», как называл ее Шевченко. Как и все прежние увлечения, и это принесло ему горькое разочарование.

К счастью, Шевченко не пришлось долго оставаться в Нижнем.

10 февраля получено было уведомление о состоявшемся «высочайшем указе», разрешавшем поэту проживание в столице. Над автором «Кобзаря», по распоряжению царя, учреждался секретный полицейский надзор, который уже не снимался до его смерти, а Академии художеств вменялось в обязанность следить, «дабы он во зло не употребил своего таланта».

Шевченко воспрянул духом и засел за работу — за подготовку к печати произведений «невольничьей Музы».

Еще на Кос-Арале он страстно обращался к народу:

Не похвали собі, громадо,—
Без неї, може, обійдусь —
А ради жду собі, поради.[1]

(«Хіба самому написать...»)

Поэт всю жизнь стремился «заплатить добрым великодушным землякам... свободной искренней песней».[2]

Его волнует вопрос. «как-то примут земляки мои мою невольничью Музу?»[3]

Отъезд из Нижнего вышел с оказией: 6 марта вечером к Шевченко явился жандармский унтер-офицер с предложением — довезти его за десять рублей до Москвы. Через день они уже ехали по тракту на Владимир.

В Москве Шевченко остановился у Щепкина. Болезнь глаз, которая началась у него в дороге, еще более усилилась. Его навещали старые друзья и московские литераторы, стремившиеся с ним познакомиться. Так, за двухнедельное пребывание в Москве его посетили фольклористы Максимович и Афанасьев, переводчики Кетчер и Мин. В книжном магазине Н. М. Щепкина (сына) познакомился он с известным собирателем песен Якушкиным, который подарил поэту портрет друга Радищева — Николая Новикова. Побывал Шевченко у Бодянского, Аксаковых и у В. И. Репниной; у меце-

---

[1] Не похвалы я жду от света,—
И без нее свой путь найду,—
А только доброго совета...

Перевод *М. Матусовского.*

[2] «Дневник», запись от 13 ноября 1857 г.

[3] «Дневник», запись от 6 марта 1858 г.

ната Варенцова встретился с московскими художниками и музыкантами. Страстно любивший музыку, радостно слушал поэт Шопена и Бетховена. 26 марта, расставшись с Щепкиными, которые уезжали в Ярославль, Шевченко отправился поездом в столицу. После двадцатитрехчасового пути «громоносный локомотив свистнул и остановился в Петербурге».[1] С вокзала Шевченко поехал на квартиру к М. М. Лазаревскому.

Пожив три месяца у своего друга, Шевченко перебрался в здание Академии художеств, где ему была отведена маленькая, в одно окно комната, которая стала служить ему рабочим кабинетом. Спал он тут же на антресолях.

Революционно настроенная петербургская молодежь восторженно приняла возвратившегося из ссылки поэта.

Поэт увидел наконец перед собой страстно жданную аудиторию — «громаду».

«В Питере мне хорошо, — писал он И. А. Ускову 4 июля 1858 г., — квартирую я в самой Академии. Товарищи художники меня полюбили, а бесчисленные земляки меня просто на руках носят. Одним словом, я совершенно счастлив».

Вскоре по приезде в Петербург Шевченко поручил фактору (управляющему) типографии Кулиша, Каменецкому, хлопотать в цензуре о разрешении нового издания «Кобзаря». Из хлопот ничего не вышло, да и издателя не находилось, а у поэта своих денег не было. В ноябре предложил услуги издатель Кожанчиков, и Шевченко запродал ему за 2000 рублей право издания своих произведений. Но дело расстроилось: цензура не давала разрешения

---

[1] «Дневник», запись от 27 марта 1858 г.

на выпуск «Кобзаря». «Такова уже моя судьба: вместо денег, я только облизнулся»[1] — жаловался Шевченко в письме к Щепкину.

«Книготорговец Кожанчиков — писал он о том же Максимовичу, — взялся было издавать мои стихи, да шеф жандармов запретил: возмутительны, говорит. Вот какое горе».[2]

Неудача с Кожанчиковым побудила автора «Кобзаря» лично возобновить хлопоты по изданию сборника стихов, в который он стремился включить и написанные в ссылке. 4 декабря канцелярия министерства народного просвещения завела дело «О дозволении художнику Тарасу Шевченко напечатать новым изданием сочинения его «Кобзарь» и «Гайдамаки». Цензурные перипетии чрезвычайно нервировали поэта, еще более подрывая его здоровье.

«Печататься не разрешают, — жаловался он 25 мая 1859 г. украинской писательнице Марко Вовчок. — Не знаю, что и делать. Уж не повеситься ли, чего доброго».[3]

Наконец, после исключения ряда произведений и выброски отдельных мест в других, цензура разрешила выход в свет книги.

«После двухлетних проволок, — писал поэт в черновике своей автобиографии, — главный цензурный комитет разрешил ему (т. е. автору, автобиография ведется в третьем лице. — *Г. В.*) напечатать только те из его сочинений, которые напечатаны до 1849 г. (1847 г. — *Г. В.*), вычеркнувши из них десятки страниц».

---

[1] Письмо от 13 ноября 1858 г. Перевод с украинского.

[2] Письмо от 22 ноября 1858 г. Перевод с украинского.

[3] Перевод с украинского.

В 1858 г. произошло радостное для поэта событие: в Москву на гастроли приехал знаменитый трагик Айра Ольридж. С Ольриджем Шевченко познакомился в доме вице-президента Академии художеств Ф. П. Толстого, благодаря хлопотам которого, как известно, удалось добиться освобождения автора «Кобзаря» из солдатчины.

Шевченко не говорил по-английски и по-немецки, а Ольридж не знал других языков. Обычно переводчиком им служила дочь Толстого.

Отец Ольриджа, потомок мелкого фелахского князька, был в детстве отдан на воспитание одному миссионеру и привезен в Америку. Вернувшись на родину, он стал бороться против работорговцев и, спасаясь от преследований, десять лет блуждал по Африке. Дед великого трагика был линчеван, брат погиб от руки плантатора, а сам Айра едва спасся от людей, хотевших линчевать его отца. С детства он начал увлекаться театром, но для негра в Америке театры были закрыты. Тогда он переехал в Англию, где после долгих испытаний добился громкой известности. Но и в Англии актеры долго не хотели выступать с негром-трагиком в одном спектакле.

Ольридж горячо любил свой народ, ценил его песни и трогательно их исполнял. Общность судьбы обоих великих людей сблизила их. Ольридж почти ежедневно бывал у Толстого. Едва переступив порог, он сейчас же осведомлялся о поэте.

Фамилии поэта трагик никак не мог выговорить, сколько он ни старался. Посылали за Шевченко, который немедленно приходил.

В театре во время игры «божественного

арапа» (Ольриджа) Шевченко выражал до того неумеренное восхищение, что шиканье и шиканье неслись со всех сторон. Он утихал на некоторое время, чтобы повторить проявление бурных чувств и снова стать предметом негодования соседей. Художник и скульптор Микешин пустил даже забавную карикатуру, изображавшую Шевченко млеющим от восторга при виде Ольриджа. После одного из спектаклей поэт не выдержал и бросился в уборную великого трагика. Там стал он осыпать Ольриджа поцелуями и душить в объятиях. Шевченко пел негру украинские песни, а тот — негритянские. «У нас теперь африканский актер, — писал Шевченко 6 декабря, — чудеса вытворяет на сцене. Живого Шекспира показывает»...[1]

5 мая 1859 г. Шевченко подал заявление правлению Академии художеств с просьбой разрешить ему пятимесячную поездку на Украину «для поправления здоровья и рисования с натуры».

Вице-президент Академии художеств Ф. П. Толстой заключение препроводил, по принадлежности, министру двора, а последний — шефу жандармов. В. А. Долгоруков наложил резолюцию: «Уведомить, что препятствий нет, а между тем о наблюдении за Шевченко предупредить местное жандармское начальство». III Отделение секретно сообщило в Киев, Чернигов и Полтаву об установлении негласного надзора за поэтом.

В конце мая Шевченко выехал на Украину (третья поездка). Он посетил ряд местечек, побывал у родных и знакомых в Кирилловке и Моринцах, гостил у Варфоломея Шевченко

---

[1] Перевод с украинского.

в Корсуни. Поэт приехал к своему названому брату на простой крестьянской телеге, в парусиновом «пыльнике» и широкополом соломенном «брыле». Особенно искренно привязался Шевченко к одиннадцатилетнему сыну Варфоломея и всюду брал мальчика с собой. Андрей пел поэту песни, а тот «упивался» ими и объяснял своему юному другу их значение. Вставал поэт в четыре-пять часов утра и сразу же уходил в поле рисовать. Часто ездил он с Варфоломеем на поля и, глядя с грустью на тяжелый труд крепостных, вспоминал свое прошлое.

Шевченко мечтал о том времени, когда пар заменит людские руки, и советовал Варфоломею заводить как можно больше машин. Это очень характерно для автора «Кобзаря». Он верил (конечно, утопически) в силу технического прогресса и видел в нем один из факторов уничтожения военно-феодальной монархии.

В с. Межиричах у помещика Парчевского Шевченко задумал приобрести себе участок земли и окончательно переселиться на Украину. Из Корсуни он и заехал к Парчевскому в Межиричи, где провел несколько дней. Переговоры приближались к концу. 10 июня Шевченко с землемером и понятыми отправились на место покупки для обмера земли. Во время обхода участка поэт затеял спор со случайно пришедшим родственником землемера, высказываясь открыто, что «не надо ни царей, ни панов, ни попов».

Об этом немедленно кем-то из присутствующих было доведено до сведения пристава Дабжанского. Шевченко же, ничего не подозревая, спокойно выехал на Михайлову Гору к своим друзьям Максимовичам (Максимович — извест-

ный украинский ученый, историк и фольклорист). У входа в сад Максимовичей автор «Кобзаря» был арестован и отправлен в с. Мошны.

До этого эпизода, 15 июля, черкасский земский исправник Табашников послал рапорт генерал-губернатору, что 5 мая в Межиричи приехал Шевченко, «тот самый, который за политические преступления был отдан на военную службу и по увольнении из оной, на основании последовавшего предписания начальника губернии, должен находиться под строгим секретным надзором». Теперь, когда к Табашникову привели арестованного, он сразу же решил дать делу ход и препроводил Шевченко под конвоем в Киев к генерал-губернатору Васильчикову.

Чиновник особых поручений Андриевский, которому Васильчиков поручил дело, был культурный и отзывчивый человек. Поэт привлек его симпатии. Андриевский постарался замять дело, внушив генерал-губернатору, что инцидент раздут исправником и по существу является результатом неправильного истолкования слов, произнесенных Шевченко.

Заключение, составленное в благожелательном для Шевченко духе, было утверждено генерал-губернатором. Однако, посылая все производство в III Отделение, князь Васильчиков обратился к В. А. Долгорукову с конфиденциальным письмом, в котором, касаясь желания Шевченко поселиться на Украине, писал: «Если бы Шевченко пожелал поселиться в здешнем крае, то полагал бы отклонить его намерение».

Ознакомившись с делом и согласившись с выводами, шеф жандармов наложил резолюцию: «Несмотря на все здесь изложенное (т. е.

на отсутствие преступления. — *Г. В.*), призвать Шевченку и, сделав ему строгое внушение, присовокупить, чтобы он был весьма осторожен, в противном случае, чтобы он не пенял на нас за те последствия, которым он может подвергнуться».

С тяжелым сердцем уезжал Шевченко в Петербург.

«Вырвался я из того святого Киева и теперь направляюсь без оглядки в Петербург», — писал поэт Варфоломею Шевченко 20 августа.

По возвращении в Петербург Шевченко много и плодотворно занимается офортом. Мы уже знаем, что начало увлечения этим искусством восходит еще к «Живописной Украине».

В июне 1857 г. Шевченко записывал в «Дневник», что думает «посвятить себя безраздельно гравюре акватинта».

Мотивы этого стремления очень ясно обрисовываются в дальнейших строках записи:

«Из всех изящных искусств мне более всего нравится гравюра. И не без основания. Быть хорошим гравером — значит быть распространителем прекрасного и поучительного в обществе... Прекраснейшее, благороднейшее призвание гравера! Сколько изящнейших произведений, доступных только богачам, коптилось бы в мрачных галереях без твоего чудотворного резца?»

В «Дневнике» Шевченко отмечал, что хотел бы награвировать свою серию картин «Притча о блудном сыне». Мысль о значении гравюры, как средства широкого распространения искусства, находим и в письме к Ф. П. Толстому (1857 г.) и в «Дневнике» (1858 г.) по поводу

предложения П. Кулиша распространять среди народа дешевые репродукции с вырезанных на дереве рисунков.

В своей работе над офортом Шевченко почти не имел предшественников: те немногие произведения офортного искусства, которые создали до него отдельные художники, не получили всеобщего признания. Учителей среди русских граверов у Шевченко не было. Иордан, который вызвался помочь ему в этом деле, сам работал резцом, а не гравировальной иглой. В течение одного часа (так описывает Шевченко в «Дневнике» свое учение) он изложил автору «Кобзаря» весь свой запас знаний о «новейших приемах гравюры аква-гипта».

Часами стал просиживать Шевченко в Эрмитаже, знакомясь с произведениями великих мастеров и изучая офортную технику Рембрандта.

По совету Иордана, Шевченко для первого опыта избрал картину Мурильо «Святое семейство».

Вслед за этим он сделал ряд офортов с картин: Рембрандта («Притча о виноградном саде»), Соколова («В корчме»), М. Лебедева («Лес») и др.

Среди офортов большое место занимают автопортреты и портреты (Ф. П. Толстого, Ф. А. Брюни, П. К. Клодта и др.), которые поражают, наряду с портретным сходством, глубоким психологизмом и тонкостью передачи духовного облика человека.

Академия художеств скоро оценила заслуги Шевченко-офортиста и 4 сентября 1860 г. на своем годичном собрании утвердила его в звании академика-гравера.

XI

Вторая половина 50-х гг. ознаменовалась огромным общественно-политическим подъемом. На развивающихся капиталистических отношениях мертвым грузом лежало крепостничество. Уничтожения его, во имя прогресса, начали требовать все живые силы страны. Наряду с аграрным вопросом, с проблемой демократизации страны, встал и национальный вопрос. Но только революционная демократия, руководимая Чернышевским и Добролюбовым, рассматривала оба вопроса — аграрный и национальный — в неразрывной связи. Либералы же и буржуазные националисты всячески старались изолировать эти вопросы друг от друга. «Мы составляем нацию в смысле этнографическом, но вовсе не политическом», — писал Кулиш В. Белозерскому.

Единым фронтом — от Герцена до Чернышевского — выступили крестьянские демократы против отделения национального вопроса от политики, понимая, что русский народ может смести военно-феодальную монархию только в союзе с другими порабощенными нациями России.

«Развяжемте им руки, — говорил Герцен в «Колоколе» (1859 г.), обращаясь к украинцам, — развяжемте им язык: пусть речь их будет совершенно свободна, и тогда пусть они скажут свое слово, перешагнут через кнут к нам, через панеж к вам, или, если они умны, протянут нам обоим руки на братский союз».

В грозное пятилетие (1856—1861 гг.) в стране вспыхнули сотни восстаний. В России назревала революционная ситуация.

11 января 1860 г. Маркс писал Энгельсу:[1]

«По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти Брауна,[2] с другой стороны движение рабов в России».

Сверху донизу раскалывалась страна на два лагеря: по одну сторону баррикады становились защитники военно-феодального строя, крепостники и либералы, выступавшие с проповедью «успокоения», по другую — крестьянская демократия, поднимавшая знамя плебейской революции, беспощадного сметения основ крепостничества.

Того, чего так боялись идеологи господствующего класса, страстно ждали Чернышевский и его соратники:

«Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня», — записывал Чернышевский в дневник.

Свое знаменитое адресованное Герцену «Письмо из провинции» (1859 г.) Чернышевский заканчивал так:

«Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто кроме топора не поможет!

«Эту мысль уже, кажется, вам высказывали,[3]

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXII. 1929 г., стр. 474.

[2] Американец Джон Браун, народный герой, за попытку поднять восстание рабов в штате Виргиния в 1859 г. был приговорен к казни и повешен.

[3] Имеется в виду письмо в редакцию «Колокола» (опубликованное 1 октября 1858 г.), в котором говорилось: «На себя только надейтесь, на крепость рук своих: заострите топоры да за дело».

и она удивительно верна, другого спасения нет. Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перементе же тон и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат! К топору зовите Русь!»

Призыв «к топору» нашел воплощение и в литературе, созданной крестьянской демократией, в прозе и стихах Н. Добролюбова, Н. Некрасова, В. Курочкина, М. Михайлова и др.

К новой крестьянской войне звал В. Курочкин:

Не найдется, что ль, у вас пнова
Друга Пугачева,
Чтобы крепкой грудью встал он смело
За святое дело?

Тот же пафос отрицания николаевско-александровской действительности звучал и в «Оде на смерть Николая I» Добролюбова, в стихах Некрасова («И на головы боярские свой наточите топор»), в «Деспоте» М. Михайлова (об Александре II) и др.

С приходом, в половине 50-х гг., Н. Г. Чернышевского в «Современник» журнал стал боевым органом русской демократии. У нас есть ряд данных, говорящих о том, что Шевченко, будучи еще в ссылке, внимательно следил за журналом, «Повесть о Горе-Злочастии», напечатанная в «Современнике», натолкнула автора «Кобзаря» на замысел «Притчи о блудном сыне». Характерно, что действующие лица «Русских повестей» выписывают этот журнал, ведут о нем разговоры. Наконец, Шевченко стремился передать в «Современник» повесть

«Варнак». Связь с журналом предположено было осуществить через М. М. Михайлова, который в это время заведывал иностранным отделом «Современника». Статьи Н. Г. Чернышевского и Н. А Добролюбова помогали Шевченко еще глубже осмысливать действительность.

Со своей стороны, Н. Г. Чернышевский еще в 1856 г., в рецензии на книжку Г. Данилевского о Квитке-Основьяненко, дал высокую оценку творчеству автора «Кобзаря», — правда, не назвав его по имени: упоминать о поэте в печати было запрещено.

В 1858 г. «Современник» напечатал перевод из «Кобзаря» А. Плещеева и притом с указанием автора.

В 1858 г. Шевченко вслед за Чернышевским подписывает протест русских и украинских писателей против антисемитского выпада журнала «Иллюстрация».

В 1860 г. Чернышевский принял участие в хлопотах «Комитета общества для пособия нуждающимся литераторам» об освобождении из крепостной неволи братьев и сестер Шевченко.

В 1860 г. вышел в свет «Кобзарь» в издании П. Симеренко. «Современник» напечатал рецензию Н. А. Добролюбова, в которой цитировались стихи поэта по-украински. Значение Шевченко Добролюбов подчеркнул и в своей рецензии на сборник «Хата». Чернышевский многократно ссылался на авторитет Шевченко в статье «Национальная бестактность».[1] Нако-

[1] См. также его отзыв о Шевченко в рецензии на сборник «Основа».

нец, в «Современнике» неоднократно печатались переводы из «Кобзаря» (Плещеева, Гербеля, Гайдебурова).

Личное знакомство Шевченко с Чернышевским состоялось в 1859 г. Известно, что поэт ездил в Стрельну, где жил летом Чернышевский (до нас дошел шуточный набросок Шевченко, сделанный в Стрельне: «Сын Чернышевского на ломовой лошади»).

Близко сойдясь с кругом «Современника», Шевченко поддерживает связи и с петрашевцами: еще в 40-х гг. он встречался с Момбелли, в ссылке сдружился с Плещеевым, после возвращения из ссылки должен был встретиться у Тургенева с петрашевцем Спешневым. Не порывает связей автор «Кобзаря» и с польскими революционерами (С. Сераковским и др.), ищет знакомства с Герценом.

В письме к М. Я. Макарову он писал: «Посылаю вам экземпляр Кобзаря на всякий случай без надписи. Передавайте его А. И. (т. е. Герцену. — *Г. В.*) с моим благоговейным поклоном».[1]

Укрепление связей Шевченко с крестьянской демократией привело к тому, что Костомаров, Кулиш и др. окончательно разочаровались в поэте, которого им так и не удалось переманить на свою сторону. Уже в 40-х гг. автор «Кобзаря» дал оценку творчеству Гулака-Артемовского и Квитки-Основьяненко, — оценку, ко-

---

[1] Герцен неоднократно высоко оценивал творчество поэта и подчеркивал, что Шевченко особенно велик тем, что он является поэтом-трибуном, борцом за свободу.

В «Колоколе» была помещена заметка об аресте Шевченко и некролог (в 1861 г.).

гора предвещала, что назревают какие-то глубоко-принципиальные разногласия. Во второй половине 50-х гг. Н. Костомаров и П. Кулиш уже ничем не пытались прикрыть свой монархизм, вполне уживавшийся с националистической враждой к «московщине».

В конце октября 1857 г. Костомаров писал Шевченко:

«Пиши, пиши, только по-нашему пиши. Времена изменились, царь, — дай бог ему здоровья и долгого царствования! — не запрещает нашего языка».[1]

Еще откровеннее П. Кулиш. Он отказался навестить поэта в Нижнем Новгороде. Всячески отговаривая его от издания «Русских повестей» и революционных поэм, настаивал на переиздании только ранних стихов.

«Будут тебя на это подбивать москали, но ты не поддавайся», — уговаривал Кулиш в письме от 22 декабря 1857 г.[2]

20 января 1858 г. он снова напоминает поэту:

«Твои «Неофиты», брат Тарас, хороши, но не для печати... Не годится напоминать сыну об отце (т. е. Александру II о Николае I, который выведен в «Неофитах» в образе Нерона. — *Г. В.*), ожидая от сына каких бы то ни было благ».[3]

В противопоставлении «раннего» Шевченко его произведениям 50-х гг. видно нескрываемое стремление оторвать поэта от русской демократии, осудить его тяготение к русской культуре.

---

[1] Перевод с украинского.
[2] Перевод с украинского.
[3] Перевод с украинского.

В некрологическом стихотворении «Братові Тарасові на той світ» Кулиш упрекал автора «Кобзаря» за то, что он:

Братався з чужими,
Радився з чужими,
Гордував словами
Щирими моїми,[1]

а в «Досвітках» свои намеки на связи Шевченко с кружком «Современника» сделал еще более прозрачными:

«Уже только огарок Шевченковского таланта возвратился из азиатчины, и на огарок этот накинулись люди, которые только и умели, что потворствовать ошибкам поэта. Хотя и часто заглядывал Шевченко в наш курень, но не могли мы пересилить вредоносной приманки».[2]

Та же «обида» сквозит и в воспоминаниях Н. Костомарова об авторе «Кобзаря» (письмо к редактору-издателю «Русской старины» М. Семевскому):

«Близость моя с ним (с Шевченко.— *Г. В.*) была почти исключительно литературная, тогда как некоторые были к нему близки не как к малорусскому поэту, а просто как к человеку».[3]

Костомаров был прав. Дружба его с автором «Кобзаря» была всегда какой-то внешней,— такой же, как дружба Костомарова с Черны-

---

[1] Братался с чужими,
За советом шел к чужим,
Пренебрегая моими
Искренними словами.

[2] Перевод с украинского.

[3] «Русская старина», 1880 г., т. III, стр. 597.

шевским. И это сквозило во всем: в страстных спорах уравновешенного историка с «умоисступленным» (словцо помещика-фольклориста Лукашевича) поэтом и в подшучиваниях Шевченко над Костомаровым (он, например, приводил двух шарманщиков под окна квартиры историка и подбивал их играть разным строем «Боже, царя храни»).

Расходясь на принципиальной почве со своими старыми друзьями, Шевченко тем более был принципиальным и в новых взаимоотношениях.

Когда Пв. Аксаков пригласил его в 1858 г. сотрудничать в еженедельной газете «Парус», то он решительно отказался (через М. В. Максимовича) — на том основании, что газета защищает крепостничество и участие в ней противоречит его убеждениям. Противоположность взглядов была причиной и того, что Шевченко в достаточной мере сдержанно относился к И. С. Тургеневу (с которым познакомился в конце 1858 г.), проф. Кавелину,[1] И. В. Гербелю и т. д.

Тургенев же весьма заинтересовался судьбой Шевченко, выказывал ему знаки внимания, дарил с надписями свои книги, написал о нем воспоминания для пражского издания «Кобзаря» (1876 г.), несколько раз упоминал его имя в письмах к украинской писательнице Марко Вовчку и к Герцену (которому сообщил и о смерти поэта).

---

[1] К. Д. Кавелин совместно с Тургеневым принимал деятельное участие в собирании материалов о положении семьи Шевченко (через А. А. Оболонского, редактора «Народного чтения») и в хлопотах о выкупе братьев и сестер автора «Кобзаря».

«Махровый крепостник» А. Фет (как окрестил его Ленин) «недоумевал» по поводу связи Шевченко и Тургенева:

«...познакомившись с тенденциозными жалобницами Шевченко, я никак не мог в то время понять возни с ним Тургенева».[1]

Принципиальность расхождения Тургенева с Добролюбовым и Чернышевским, единомышленником которых был Шевченко, замечательно отметил Ленин:

«...Тургенева 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, ...ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского».[2]

Шевченко возвратился из ссылки еще более закаленным борцом с царизмом, чем был до нее.

«В стихах и на словах, по шинкам и всюду проповедывал (Шевченко. — *Г. В.*) возмущение», — вспоминал «обманувшийся» в поэте помещик Мартос, на средства которого был издан «Кобзарь» 1840 г.

«Обличения Шевченко стали теперь безудержными, он разит и бьет; он весь пылает каким-то бешеным всеистребляющим огнем», — ужасался украинский этнограф и фольклорист И. Срезневский.

«Я поглядывал на соседние двери (когда Шевченко читал свои стихи. — *Г. В.*), опасаясь, чтобы кто-нибудь не подслушал».

«Он был человек в высшей степени бесхитростный, запальчивый, откровенный и даже бесстрашный в том смысле, что неумеренные речи его частенько заставляли других бояться

---

[1] А. Фет, Мои воспоминания, ч. I, М. 1890, стр. 367.
[2] Ленин, Соч., т. XXII, изд. 3-е, стр. 467.

за него, или затыкать уши и убегать», — подтверждал Я. Полонский.[1]

В чем состояли эти речи — видно из воспоминаний доктора Гордона:

«Освобожденная от панов и царей Украина была целью его грез, революция — стремлением».

Последний период творчества Шевченко (1857—1860 гг.) является органическим завершением всего предыдущего пути художника-борца, поэта-революционера.

Особенностью последнего трехлетия является то, что самые понятия «революция», «громада» (общество), «призыв к топору» наполнились в эти годы для Шевченко новым социально-политическим содержанием, по-новому зазвучали для него под влиянием идей крестьянских демократов.

Революционные демократы в своем творчестве охотно прибегали к библейским образам, которые представляли возможность обойти цензуру и добиться легального появления революционных произведений.

К библейским образам Шевченко прибегал и в 40-х гг. («Псалмы Давидовы» и др.), но в новых условиях он стал пользоваться ими по-иному.

Из псалмов поэт старался выбирать созвучные современности, но оставлял в неприкосновенности самый строй их образов (вводя от себя только отдельные стихи). В произведениях второй половины 50-х гг. библейские и евангельские образы служат ему только для прикрытия революционной идеи произведения.

В поэмах и стихотворениях исторического

---

[1] «Кобзарь», Прага, 1876.

характера не борьба первохристиан против своих угнетателей-римлян («Неофиты»), не столкновение библейского царя Саула с Давидом («Саул») или жизнеописание потерявшего человеческий облик царя Ирода («Во Иудее, во дни оны») — центр произведения, а пламенное обличение империи Николая I, призыв к кровавой расправе с царизмом. Чтобы это еще более подчеркнуть, Шевченко прибегает к намекам, помогающим раскрытию подлинного смысла образов. Так, в «Неофитах» он «ошибочно» упоминает Сибирь:

Ідеш шукать його в Сибір,
Чи тее... в Скіфію...[1]

В «Сауле» с той же целью он говорит о «городах» и «аулах», намекая на борьбу царских генералов с кавказскими горцами. В стихотворении «Во Иудее, во дни оны» он, нарисовав образ пьяного и кровожадного Ирода, заканчивает недвусмысленным обвинением монархии «его величества»:

Ми сердцем голі до гола!
Раби з кокардою на лобі,
Лакеї в золотій оздобі...
Онуча, сміття з помела
Его величества...[2]

---

[1] Идешь искать его в Сибирь,—
Да что я!.. в Скифию...
Перевод *К. Липскерова.*

[2] Мы сердцем голы догола́!
Рабы, чьи с орденами груди,
Лакеи в золоте — не люди,
Отметки, мусор с помела
Его величества...
Перевод *Г. Владимирского.*

В «подражаниях» пророкам Шевченко библейские образы наполняет кличем революционной демократии: «К тонору!»

І ваша злая своєволя
Сама скупається, сама
В своїй крові...[1]

(«Подражание Ієзекіїлю»)

Мысль эта еще ярче подчеркнута в «Подражании Осии, глава XIV»:

...Не втечете
І не сховаєтесь! Всюди
Вас найде правда-мста, а люди
Підстережуть вас на тотеж,
Уловлять і судить не будуть,
В кайдани туго окують,
В село на зрище приведуть,
І на хресті отім без ката
І без царя вас, біснуватих,
Розпнуть, розірвуть, розіпшуть
І вашей кровію, собаки,
Собак напоять!..[2]

---

[1] И ваше злое самоволье
Купаться будет и тонуть
В своей крови...

Перевод *А. Безыменского.*

[2] ... Не скрыться вам! Ведь вас повсюду
Отыщет правда-месть, а люди
Подстерегут, чтобы поймать, —
Поймают и судить не будут:
Сковав, в оковах, не на суд —
На поруганье поведут
И на кресте потом, без ката
И без царя, вас, бесноватых,
Распнут, на части разорвут
И кровью вашею, собаки,
Собак напоят!..

Перевод *М. Зенкевича.*

Как и в 40-е гг., поэт приходит к мысли, что победа над царизмом немыслима без пролития крови, что жестокость революционера не противоречит «братолюбию», что требование уничтожения кучки врагов народа вполне совместимо с идеалами гуманизма.

Сходился Шевченко с революционными демократами и в оценке Александра II.

Во второй половине 50-х гг. либералы всячески старались доказать прогрессивную роль деятельности нового царя.

Даже Герцен одно время был увлечен этой волной и воскликнул, обращаясь к Александру II: «Ты победил, галилеянин!»

Неуклонно разоблачали «гуманность» царя Н. Г. Чернышевский и его соратники.

Следуя за ними, Шевченко пишет стихотворение, в котором в образе римского императора Нумы Помпилия едко высмеивает лицемерие Александра II, показывает, что он является таким же поработителем народа, как и его предшественники.

В другом произведении («Хотя лежачего не бьют») поэт предрекает царю гибель от рук народа.

А люди тихо
Без всякого лихого лиха
Царя до ката поведуть.[1]

Он с нетерпением ждет времени, когда народ

---

[1] А люди тихо,
Без всякого лихого лиха,
Царя на плаху поведут.

Перевод *А. Суркова.*

Розтрощить трон, порве порфіру.[1]

(«Бували войни...»)

Ему кажется, что он слышит уже грозную поступь восставших масс:

Із-за моря
Уже встає святая зоря![2]

(«Неофіты»)

Для революционеров-демократов XVIII в. (Радищев) и XIX в. излюбленным образом борца против политического и национального гнета был образ Вашингтона.

В «Юродивом» Шевченко пишет:

...Коли
Ми діждемося Вашінгтона
З новим і праведним законом?
А діждемось таки колись...[3]

К позициям крестьянской демократии автор «Кобзаря» приблизился и в своей борьбе против религии.

Всю свою жизнь Шевченко боролся против официальной религии, являющейся орудием подавления масс в руках правящих классов.

Классовый характер «помещичьего» бога был ему ясен, когда он писал:

---

[1] Раздавит трон, порвет порфиру.

[2] Из-за моря
Уже встает звезда святая.

[3] Когда
Дождаться сможем Вашингтона
Мы с новым, праведным законом?
А все ж его дождемся мы...

Перевод *Г. Владимирского.*

А може й сам на небесі
Сміється, батечку, над нами
Та, може, радиться з панами,
Як править миром?[1]

(«Якби ви знали, панічі», 1850 г.)

Но только в последний период своего творчества поэт нашел для борьбы с религией образы подлинно-атеистические, связал борьбу с религией с борьбой масс против феодальной монархии:

...Будем, брате,
З багряниць онучі драти,
Люльки з кадил закуряти,
Явленими піч топити,
А кропилом будем, брате,
Нову хату вимітати![2]

(«Світе ясний...»)

В этом гимне солнцу разума, которое должно засиять над тьмой средневекового невежества, Шевченко поднимается до вершин гуманизма, перекликается с Пушкиным.

Как и крестьянские демократы, Шевченко утопически представлял себе будущее. Но он, так же как они, поднялся до сознания, что усло-

---

[1] Быть может, сам на небеси
Смеешься, отче наш, над нами,
Совет держа тайком с панами,
Как править миром?..

Перевод *А. Глобы.*

[2] ...Будем, брат мой,
Багряницы в клочья драть мы,
Трубки из кадил закурим,
Печь топить «святыми» будем,
А кропилом станем, брат мой,
В новой хате подметать мы.

Перевод *Ф. Сологуба.*

вия гибели феодальной монархии заложены и в промышленном прогрессе.

В повести «Наймичка» он обращается к «филантропам-агрономам» с просьбой изобрести сельскохозяйственные орудия, которые облегчат труд человека, а в «Дневнике» восторженно приветствует пароход и поезд, которые должны уничтожить престолы и короны, помещиков и дипломатов. В этой записи Шевченко подчеркивает, что его пророчество несомненно и что изобретение пара должно довершить дело, начатое первой французской революцией.

Шевченко верил, что, когда не останется «следа панского», производительные силы страны достигнут неслыханного развития!

Оживуть степи, озера,—
І не верстовії,
А вольнії, широкії
Скрізь шляхи святії
Простеляться; і не найдуть
Шляхів тих владики,
А раби тими шляхами,
Без гвалту і крику,
Позіходяться до купи,
Раді та веселі,
І пустиню опанують
Веселії села.[1]

(«Ісаія», глава XXXV)

---

[1] Оживут озера, степи,
И не верстовые,
А широкие, как воля,
Дороги святые
Опоясут мир. Не сыщет
Тех дорог владыка;
Но рабы на тех дорогах

Он страстно мечтал о том времени, когда не будет места насилию человека над человеком, когда чувство нерушимой дружбы объединит людей в «семье вольной, новой»:

І на оновленій землі
Врага не буде, супостата,
А буде син, і буде мати
І будуть люди на землі![1]

XII

Слава Шевченко, поэта-трибуна и художника-реалиста, была в зените.

Но личная неустроенность угнетающе действовала на него, он тяготился одиночеством, жизнью старого холостяка.

Тоска по собственной семье так велика, что поэт готов жениться «хотя б на чертовой сестре». Он настойчиво просит своего побратима Варфоломея сосватать ему батрачку Харитю: воспитанные паночки ему оскомину набили. «Может быть, Харита скажет, что она сирота, батрачка, что у нее нет денег, а я богат и горд; так скажи, что мне многого нехва-

---

Без шума и крика
Братски встретятся друг с другом
В радости веселой, —
И пустыней завладеют
Веселые села.

Перевод *И. Антоколького.*

[1] На обновившейся земле
Врага не будет, супостата,
И сына мать обнимет свято,
И люди будут на земле!

Перевод *Г. Владимирского.*

тает и порой нет свежевымытой сорочки, а гордостью я еще у матери одолжился, у мужички, у несчастной крепостной».[1]

А в одном из следующих писем шутливо грозит: «Не вытерплю и женюсь да на такой, что и тебе стыдно станет.[2]

«Слава меня не удовлетворяет, и мне кажется: если не заведу я своего домка, то она (слава. — *Г. В.*) меня вторично загонит туда, куда Макар телят не гонял»,[3] — делился поэт своей тоской с В. Шевченко. Неудачна была его помолвка с Лукерьей Полусмаковой, которая вскоре оставила поэта, предпочтя ему другого.

Так и не удалось осуществить мечтаний о собственном «кишле».

Здоровье его уже с середины ноября 1860 г. стало все ухудшаться. И вот, уже совсем больной, Тарас Григорьевич лично отправился к петербургскому митрополиту, чтобы добиться продвижения в школы составленного им «Букваря южно-русского» (вышел уже в 1861 г.).

В конце января поэт сообщал В. Шевченко: «Мне так худо, что едва перо держу в руках».

Предчувствием смерти наполнено последнее стихотворение, написанное во второй половине февраля.

Обращаясь к Музе, поэт говорил:

Чи не покинуть нам, небого,
Моя сусідонько убога,

---

[1] Письмо к В. Шевченко от 2 ноября 1859 г. Перевод с украинского.

[2] Письмо ему же от 23 марта 1860 г. Перевод с украинского.

[3] Перевод с украинского.

Вірші нікчемні виршувать
Та заходиться риштувать
Вози в далекую дорогу?[1]

Несмотря на такое тяжелое состояние, Тарас Григорьевич не выпускал из рук кисти и гравировальной иглы. В конце января он рисовал портрет одной дамы, которая приходила позировать в его мастерскую. Январь и февраль он просидел дома безвыходно. 24 февраля больному стало совсем плохо. Был вызван доктор Э. Я. Бари, который нашел у него водянку.

Тоска мучила поэта. Он не находил себе места, часто пил воду с лимоном, все время спрашивал, когда придет врач. Говорил, что хочет поехать на родину. В шесть часов был приглашен доктор И. А. Круневич, а в девять состоялся консилиум. Врачи поставили больному мушку.

25 февраля, в день рождения автора «Кобзаря», прибыла телеграмма от полтавской «громады»:

«Батько! Полтавцы поздравляют любимого Кобзаря с именинами и просят: запой, батько, орел сизый».[2] Поэт выслушал телеграмму, но от боли не мог ничего сказать. Знаками попросил унести свечу.

Доктор Бари сошел с антресолей вниз. Но не успел он спуститься, как Шевченко снова позвал его:

— У меня начинается пароксизм.

---

[1] Так не пора ли понемногу
С тобою, спутницей убогой,
Нам вирши слабые бросать
И помаленьку собирать
Телеги в дальнюю дорогу?

Перевод *К. Симонова.*

[2] Перевод с украинского.

Медицина была уже бессильна. Почти всю ночь больной провел сидя, так как боль не давала ему возможности лечь. Тушил и зажигал свечу, но слугу не позвал ни разу, чтобы не потревожить. В пять часов утра попросил убрать комнату и спустился в мастерскую. Не успел он сделать несколько шагов, как охнул, стал оседать и упал на ступеньки. Когда сбежались, Шевченко уже был мертв.

Мысли о родине не оставляли поэта и на смертном одре, — он все расспрашивал о киевском шоссе, бредил:

«Не поеду на проклятых перекладных, а ехать надо; тут я если останусь — умру непременно». И тихо шептал:

«Да, если на родину: там, может, я и выздоровел бы».

—

О смерти Шевченко можно было сказать словами герценовского «Колокола» о М. Михайлове: «Убили!»

Именно так расценивали кончину великого украинского поэта крестьянские демократы 60-х годов.

28 февраля 1861 г. в надгробном слове над свежей могилой автора «Кобзаря» И. С. Курочкин сказал:

«...Еще один человек, принадлежавший к высокой семье избранников, высказавший за народ самые светлые его верования, угадавший самые заветные его желания и передавший все это неумирающим словом, — окончил горькую жизнь свою, исполненную борьбы за убеждения и всякого рода страданий».[1]

[1] «Основа», 1861 г., март.

Та же мысль о таланте, растоптанном фельдфебельским сапогом царизма, была подчеркнута в некрологе, который появился в «Современнике».

«Болезнь быстро сломила измученного жизнью поэта».[1]

Зная трагическую судьбу автора «Кобзаря», читатели легко расшифровывали подлинное содержание эзоповских фраз Курочкина и Панаева.

Хоронили поэта на Смоленском кладбище при огромном стечении народа. После речей Н. С. Курочкина, Л. Жемчужникова, Н. Костомарова, П. Кулиша, В. Белозерского, П. Чубинского, представителя польской демократической общественности В. Хорошевского и др. началась похоронная причеть украинских сказительниц. Так устное творчество народа явилось надгробным венком тому, чье творчество от первого до последнего слова было посвящено народу.

Около двух простых детских могилок без крестов положили гениального горемыку, пламенного трибуна и бобыля, любившего детей со всей силой своей большой и нерастраченной нежности.

Вопрос о перенесе тела на Украину долго не мог разрешиться. Душеприказчик Шевченко М. М. Лазаревский настаивал на помещении праха поэта в Выдубецком монастыре, Варфоломей Шевченко склонялся к выполнению воли поэта, выраженной в его «Заповіт'е» (завещании). Благодаря настоянию близкого в последние годы к Шевченко художника Г. Честаховского было. наконец, решено устроить могилу близ Канева на Черничьей горе.

26 апреля, снова при большом стечении

---

[1] «Современник», 1861 г., март, стр. 154.

народа, прах вырыли и положили в свинцовый гроб, покрыв его сверху красной китайкой. Молодежь выпрягла лошадей и сама повезла катафалк до вокзала.

Первая остановка была в Орле.

Царские чиновники насторожились: заметка в «Северной пчеле» «Останки Шевченки в Орле» вызвала внимание не только гражданской, но и духовной цензуры.

Встречи тела по пути следования в Борзне, Нежине, Киеве и Канаве превратились в большое общественно-политическое событие. Везде наблюдалась одна и та же картина: молодежь впрягалась в погребальные дроги, добиваясь этого как великой чести. Недаром А. Фет с раздражением записывал в дневнике:

«От Тулы жену мою на каждой станции догонял и затруднял в получении лошадей гроб Шевченко, сопровождаемый ассистентами, перевозившими тело его на Украину».[1]

В Киеве гроб был встречен на шоссейном мосту со стороны Броваров и на руках отнесен на Подол, где установлен для прощания в Рождественской церкви. В церкви из толпы вышла женщина в глубоком трауре и возложила на тело поэта лавровый венок, перевитый терном.

Появилась полиция, начался переполох. Хотя венок немедленно убрали, но событие произвело огромное впечатление. Власти стали торопить с отправлением покойника.

Торжественная процессия, направившаяся из церкви к пароходной пристани, растянулась на целую версту. Киевские ремесленные цеховые общества выставили у гроба одиннадцать цехо-

---

[1] А. Фет, Мои воспоминания, ч. I, М. 1890, стр. 367.

вых значков. Каждый цех нес рядом со своим значком цветную коробку, — у каждого цеха был присвоенный ему цвет.

В семь часов утра 10 мая пароход «Кременчуг» отплыл в Канев. Могила к этому времени уже была приготовлена. Крестьяне окрестных сел насыпали надгробный курган, солдаты возвели кирпичный свод.

Во время производства работ Канев посетил киевский губернатор Безак. Узнав о работах на Чернечьей горе, он приказал приостановить устройство могилы. Только после того, как было предъявлено ему ранее данное разрешение, устроители могилы смогли продолжать работы.

На простой крестьянской телеге гроб был доставлен на гору, где, по преданию, был похоронен герой украинского эпоса — Иван Подкова. Дорога до могилы была устлана зелеными ветками. Над могилой были произнесены речи представителями общественных организаций и среди них представителем белорусского народа.

А вечером посланные исправником молодчики уже шарили в крестьянских избах, разыскивая спрятанные «метелики» — копеечные брошюрки с поэмами кобзаря Украины.

Люди шопотом передавали друг другу легенду о Шевченко: «Неправда, что умер батько Тарас. Ночью выходит он из-за туч посмотреть на свой народ. Не роса осыпает траву — слезы Кобзаря. Спрятаны в могиле его святой водой освященные гайдамацкие ножи... Будет еще день: попомнят паны и подпанки...»

Отдать последний долг украинскому кобзарю в Канев издалека приходили крестьяне, мастеро-

вые, матросы и студенты. Три брата Лазаревских и художник Честаховский — друзья покойного — собирали на могиле трудовой люд, рассказывали о мученической жизни Шевченко, распространяли его поэмы, изданные для народа.

Польская шляхта, смертельно боявшаяся новой «коливщины» (восстание украинских крестьян 1768 года), попыталась использовать погребение поэта в Каневе для гнусной интриги. Русский помещик Каневского уезда, Лопухин, получил конфиденциальное письмо от владельца с. Межиричи (где произошел в 1859 г. инцидент, повлекший арест автора «Кобзаря»), поляка Парчевского, в котором сообщалось о заговоре в Каневе и готовящейся резне помещиков-поляков и евреев-арендаторов. У Лопухина гостил адъютант генерал-губернатора Васильчикова, Лобанов-Ростовский. Узнав о содержании письма, Лобанов немедленно сообщил по начальству. Одновременно с этим поступили донесения исправника Каневского уезда и уездного стряпчего. Перепуганный исправник просил отрядить в Канев (сверх расквартированного там полка) еще хотя бы две роты пехотинцев.

26 июля 1861 г. каневский уездный предводитель дворянства также сообщал о слухах «между мещанами и крестьянами, что настанет час — народ будет резать помещиков, все соберутся в Канев совершить то, что проповедывал отец» («Батько» писать, видимо, боялись). «Могила Шевченко, — продолжает перепуганный помещик, — служит как бы знаменем соединения людям, порождающим ненависть к здешнему дворянству». Затем шла просьба о высылке подозрительных лиц, о размещении в поместьях воинской силы и, главное, о пере-

носе тела Шевченко в другое место и запрещении его сочинений.

В Канев выехали киевский губернатор и жандармский полковник Грабовский.

Не дожидаясь окончания следствия и не предупредив начальство, исправник арестовал «заговорщиков»: крестьянина Голабурду, матроса Трусенко и мещанина Дорошенко.

Однако допрос арестованных не дал никаких конкретных фактов о «заговоре».

XIII

В течение семидесяти пяти лет, вплоть до Великой Социалистической революции, царское правительство беспощадно преследовало произведения Шевченко. «Киевская цензура так ощипала («Кобзарь» — *Г. В.*), что из поэзии Шевченко вышли шарады», — жаловался в 1865 г. Варфоломей Шевченко в письме к М. М. Лазаревскому, после неудачной попытки добиться разрешения цензуры на выход «Кобзаря».

Четвертое издание «Кобзаря» (Д. Кожанчикова) увидело свет в 1867 г. только после того, как в нем был сделан ряд купюр цензурой и самим Кожанчиковым.

Но и этого оказалось недостаточно. Хотя гражданская и духовная цензура уже сочли возможным дать разрешение на выход книги, синод исключил из нее еще «Псалмы Давидовы». Невозможность добиться в пределах империи издания сколько-нибудь полного (по тогдашним условиям) собрания стихов поэта привела к тому, что «Кобзарь» все чаще и чаще стали печатать за границей и затем контрабандой ввозить

в Россию. Первым таким посмертным изданием было издание 1876 г. (в Праге), в двух томах.

Первый том заключал в себе произведения, которые не могли бы вызвать возражений цензуры, во второй входило все, что объединялось понятием «запрещенное». Это собрание стихов с научной стороны не выдерживало никакой критики, но послужило основанием для целого ряда фальсификаций последующих изданий.

В 80-х и 90-х гг. в России очень большое распространение имели рукописные «Кобзари».

«Впервые я читал Шевченко еще юношей в Казани, — вспоминал М. Горький в 1933 г. в письме к одному из своих корреспондентов, — тогда ходили по рукам сборники запрещенных цензурой стихов рукописных... Помню, что мне очень понравилось четверостишие: «И день иде и нич иде», а также «Катерина». Затем летом 97 и 98 г., живя в Мануйловке, Кременчугского уезда, я читал Шевченко на украинском языке крестьянам; книжка была дана мне учителем Самойленко, — кажется львовское издание».

Особенно усилились гонения на «Кобзарь» (главным образом на дешевые, массовые издания) в половине 90-х гг. — в связи с развитием революционного рабочего движения.

После первой революции в 1907 г. вышел «Кобзарь» под редакцией В. И. Доманицкого — самый полный из всех дореволюционных изданий (переиздан в 1908 и 1910 гг.).

Новая волна репрессий обрушилась на «Кобзарь» в 1911 г., в связи с подготовкой к пятидесятилетию со дня смерти поэта. Царская цензура потребовала исключения из всех шести вышедших изданий свыше 100 страниц текста (или около 6,5 печатных листов).

Так как большинство изданий к этому времени давно успело разойтись, то жандармы и полицейские, находя «Кобзарь» в той или иной библиотеке, просто вырезывали целые страницы из книги.

Царское правительство препятствовало всякой попытке общественности отметить юбилейные даты великого украинского поэта. Так, киевский генерал-губернатор всячески тормозил деятельность комитета по сооружению памятника Шевченко в Киеве (по всенародной подписке); на могиле поэта в Каневе в дни юбилеев дежурили усиленные наряды полиции и стражников.

В 1914 г. развернулось широкое общественное движение за ознаменование столетия со дня рождения автора «Кобзаря».

Сначала совет министров разрешил празднование юбилея только в закрытых помещениях. Городские думы в крупнейших городах Украины, под давлением общественного мнения, вынуждены были начать подготовку к столетней годовщине.

Тогда подняли ожесточенную травлю против поэта самые темные силы реакции — черносотенно-погромные организации. Они добились того, что совет министров через шефа корпуса жандармов Джунковского дал секретные указания о запрещении чествования поэта в каком бы то ни было виде. Так родился циркуляр, вызвавший бурю негодования демократической общественности. Немедленно после издания циркуляра были расформированы юбилейные комиссии при городских думах, отменены ранее выданные разрешения на устройство вечеров.

Ответом на это наступление реакции была волна уличных демонстраций и студенческих

митингов в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и других крупных городах. В Киеве на улицу с красным знаменем вышло 700 рабочих Южнорусского машиностроительного и других заводов, многочисленные студенческие организации. К ним присоединялись толпы народа. Неоднократно дело доходило до рукопашных схваток с полицией.

Против запрещения юбилея протестовала вся прогрессивная пресса. Но только большевистская партия и ее печать, следуя гениальным указаниям Ленина и Сталина, заняла исторически-правильную боевую позицию.

Большевистская газета «Путь Правды» писала:[1]

«Наши либералы тоже протестуют против этого (против запрещения юбилея. — *Г. В.*). Но в их протесте добрая доля холопства и раболепия», и далее: «Рабочие протестуют потому, что в поведении гонителей Шевченко видят остатки крепостнического варварства, всевластие Митрофанушек».

Царская цензура беспощадно конфисковала правдистские газеты и журналы — из-за статей, посвященных Шевченко («Путь Правды», грузинскую «Голос Правды», профсоюзный журнал «Жизнь пекарей» и др.). Мужественное слово большевиков в защиту Шевченко и украинской культуры было ярким моментом революционной борьбы рабочего класса.

Ленин, характеризуя историческое значение этой борьбы, писал в том же 1914 году:

«Запрещение чествования Шевченко было

---

[1] Передовая «Крепостники и Шевченко», — «Путь Правды», № 15, 18 февраля 1914 г.

такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя. Я думаю, все наши лучшие социал-демократические агитаторы против правительства никогда не достигли бы в такое короткое время таких головокружительных успехов, каких достигла в противоправительственном смысле эта мера. После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов». [1]

XIV

Празднование стодвадцатипятилетия со дня рождения великого украинского поэта показало, что его творчество глубокими корнями вросло в социалистическую культуру, является близким и дорогим всем народам СССР.

Поэзия Т. Г. Шевченко учит безгранично любить свою родину, отдавать ей все силы, бороться за нее до последней капли крови.

Патриотизм Шевченко был чужд национальной ограниченности, так как он гармонически сочетался с любовью ко всем народам России, с любовью ко всем порабощенным народам мира. Происходило это оттого, что поэт задачи национально-освободительной борьбы связывал с задачами борьбы политической, борьбы против царизма, против крепостничества.

Близок и родствен нам гуманизм поэта,

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, том XVII, изд. 3-е, стр. 324—325.

его глубоко-искреннее и потому такое захватывающее стремление к счастью человека.

В России, превращенной Николаем I в огромную казарму, в России, где всячески насаждалось хамство, низкопоклонство, глумление над человеческим достоинством, автор «Кобзаря» искал человека и находил его только среди трудящихся, среди крепостных:

Ідемо в селища, там люде,
А там де люде — добре буде,[1]

говорил он с глубокой верой в моральные силы народа.

Гуманизм Шевченко был подлинным гуманизмом революционера, он сочетал в себе братскую любовь к людям с требованием беспощадной кровавой расправы с врагами народа, во имя блага миллионов.

Человек стоит в центре всех произведений поэта, и это придает его гуманизму особенную задушевность, особенную силу воздействия.

Могучи интернациональные мотивы в поэзии и живописи Шевченко.

Он горячо любил русский народ, его культуру, его язык, его мастеров слова и кисти; в «Кавказе» он мужественно поднял голос в защиту горцев, как в «Еретике» восторженно воспел свободолюбие чешского народа; в ссылке он приветствовал киргизов, любовно описывал в «Русских повестях» и «Дневнике» встречи с туркменами, казахами, калмыками, чувашами и татарами.

---

[1] Идем в селения — там люди,
Где люди — плохо нам не будет.
Перевод *І. Владимирского.*

Глубоко-родственно нам гармоническое сочетание личного и общественного, составляющее характерную особенность творчества автора «Кобзаря». Даже там, где он говорит о себе, — он говорит о народе.

Шевченко имел полное право написать в своей автобиографии: «История моей жизни есть часть истории моей родины».

Сочетание личного и общественного очень ярко отразилось в отношении поэта к труду.

Феодализм покоился на варварских формах эксплоатации труда, на полном игнорировании человеческой личности. Народ ненавидел крепостной труд. И сама действительность давала очень мало оснований увидеть творческое начало труда. Величие Шевченко в том, что он, очень глубоко для своей эпохи, сумел раскрыть общественное творческое начало труда как физического, так и умственного:

Роботящим умам,
Роботящим рукам
Перелоги орать,
Думать, сіять, не ждать
І посіяне жать
Роботящим рукам.[1]

(«Молитва»)

Сам поэт всей своей жизнью и деятельностью показал яркий пример труда, бескорыстно отдан-

---

[1] Работящим рукам,
Работящим умам
Новину поднимать,
Думать, сеять, не ждать,
Что посеяно, жать —
Работящим рукам.

Перевод *Ив. Белоусова.*

ного на служение своему народу, человечеству. Он всегда стремился развить в массах чувство личного и национального достоинства, он никогда не был в найме у господствующих классов, никогда не каялся в избранном пути художника-революционера.

Все узко-личное, индивидуалистическое было глубоко чуждо ему. В предисловии к «Кобзарю» 1847 г. он с презрением отзывался о тех, которые «натовкмачили якихсь індивідуалізмів».

Шевченко выступил горячим борцом за раскрепощение женщины. С огромным сочувствием он вывел десятки «покрыток» в своих поэмах и повестях, показал, как постепенно растет чувство личного достоинства у женщины, как она (пока еще трагически-одиноко) пытается выступить на защиту своих прав.

Поэт любил жизнь, искал себе жену-товарища, но не нашел ее. Как целомудренно-чисто он относится к женщине — прекрасно видно из переписки его с Бр. Залесским.

Он воспел и мужскую дружбу, верность данному слову, искренность чувств — все, чем богата теперь жизнь человека Сталинской эпохи.

Близка нам и борьба Шевченко с религией, его отрицание официальной церкви. Поэт не был последовательным атеистом, но в своих произведениях он выразил глубокое преклонение перед силой человеческого разума.

В стихотворении «Свет мой ясный, свет мой тихий» автор «Кобзаря» выразил всю глубину ненависти народных масс к порабощавшей их веками церковности.

Близка нам в Шевченко и его вера в бессмертие народа, в неминуемую победу масс над

своими угнетателями. На этой вере покоится оптимизм поэта. В ссылке, в каторжных условиях существования, он заявляет:

... надія не вмирає.

Шевченко страстно мечтал об освобождении народа, о «семье вольной, новой».

Мечта поэта, как и мечта всех лучших людей прошлых веков, получила полное осуществление в СССР. Неслыханный расцвет производительных сил страны, подчинение человеку природы, превращение пустынь в сады, все, что смутно брезжило перед духовным оком поэта-провидца, стало реальностью нашей социалистической действительности.

Шевченко дорог нам как поэт, сумевший выразить в глубоко-национальной форме общечеловеческое содержание чувств, мыслей и чаяний украинского народа.

В начале своей поэтической деятельности Шевченко в поэме «Тризна» так формулировал задачи поэта-борца:

Прочесть все черные страницы,
Все беззаконные дела...
И сохранить полет орла
И сердце чистой голубицы—
Се человек!..

В «Кобзаре» нашел себе яркое воплощение завет Шевченко: он сумел гнев против угнетателей слить с любовью к угнетенным и найти в этом высшее выражение своей человечности, своего гуманизма.

Природа в стихах поэта никогда и нигде не играет самостоятельной роли. Она везде дана только в связи с человеком.

Но автор «Кобзаря» при этом полон радостного, полнокровного восприятия окружающего мира, он учит любить природу, находить в ее красоте источник обогащения духовных сил.

На XVIII съезде партии тов. В. М. Молотов в вступительной речи указал:

«С точки зрения наших внутренних задач центр тяжести переносится теперь на вопросы *воспитательные*, на вопросы коммунистического воспитания, на задачи ликвидации столь еще живучих пережитков капитализма в сознании трудящихся».

Поэзия Шевченко, пламенно обличавшая мерзость и грязь феодально-буржуазного общества, радостно воспевшая обновление земли, обновление человеческих отношений в «семье вольной, новой», всегда будет помогать воспитанию социалистической личности на путях построения бесклассового общества.

В этом ее неувядаемое значение для социалистической культуры.

Редактор *Н. Афанасьева*. Перевод *Н. Ильиной*. Художеств. техническая редакция *А. л. Кукуричкина*, *Т. Иванова* Коррек. *Ф. Александров*. Сдано в набор 10/V-39 г. Подписано к печати 19/VII-39 г. Бумага 70×86 1/32 Окуловской фабрики. Печ. л. 9 3/4. Авт. л. 6. Уч. авт. л. 6,08. Бум. л. 2 7/16. Тираж 10000. Леноблгорлит № 3420.
Заказ № 1881. Цена 1 р. 50 коп. Перепл. 1 р.

Типография имени Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

ОПЕЧАТКИ

Стран.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
82	11 снизу	Атемовскому	Артемовскому
133	9 сверху	бобее	более
144	11 сверху	Канаве	Каневе
156	8 снизу (выходные данные)	Перевод	Переплет

Владимирский

алистической культуры.

БіТ-2
2014

2 р. 50 к.